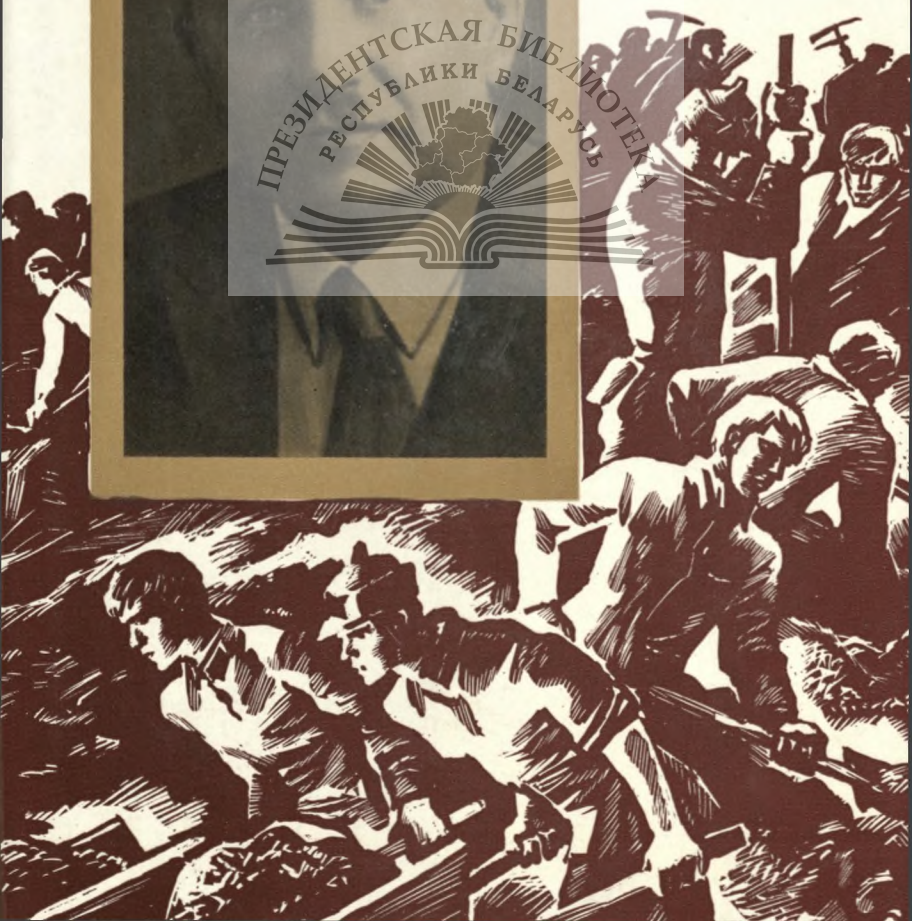

1642255

В. И. КНОРИН

ПРЕЗИДЕНТСКАЯ БИБЛИОТЕКА
РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ

1995 г. 10/12/95
1995 г. 10/12/95

Н. В. КУЗНЕЦОВ

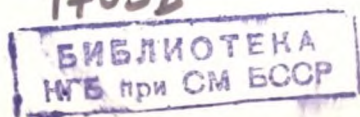
В. Г. КНОРИН

Страницы биографии

МИНСК «БЕЛАРУСЬ» 1979

17038

ББК 66.61(2)8
К 89

Под редакцией

доктора исторических наук, профессора
А. Ф. ХАЦКЕВИЧА

Президентская библиотека
Республики Беларусь

К 10202—212 006—79 0902030000
М 301(05)—79

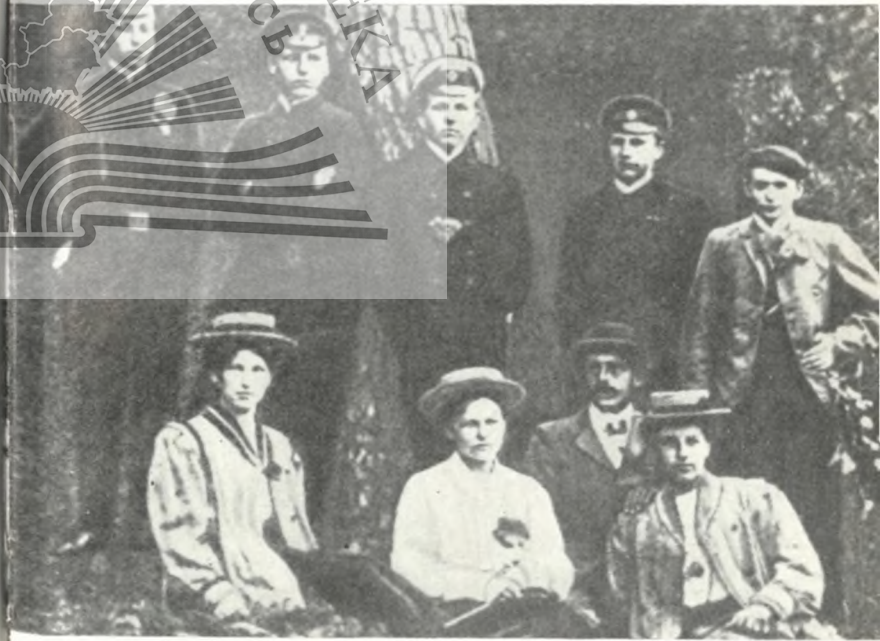
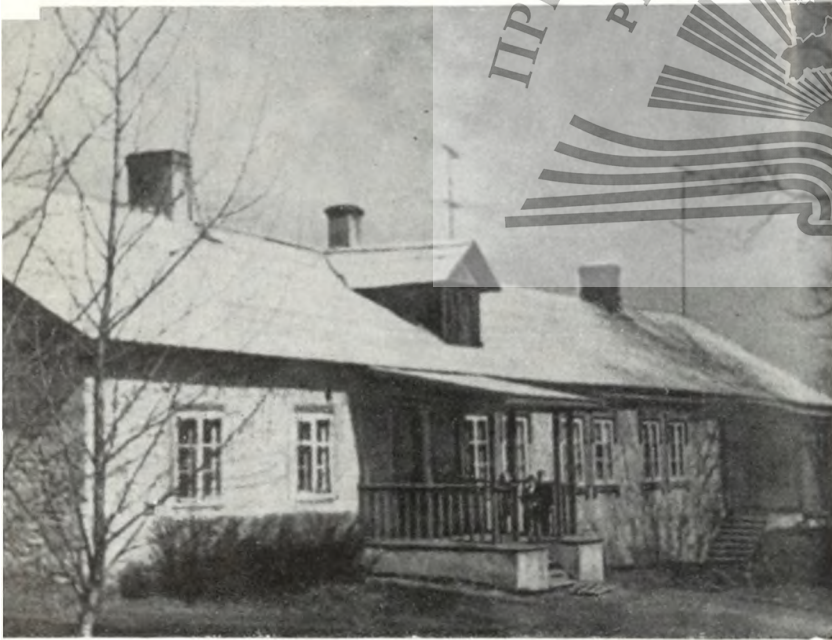
© Беларусь, 1979

Дом в Лигатне, в котором с 1900 года жил
В. Г. Кнорин.

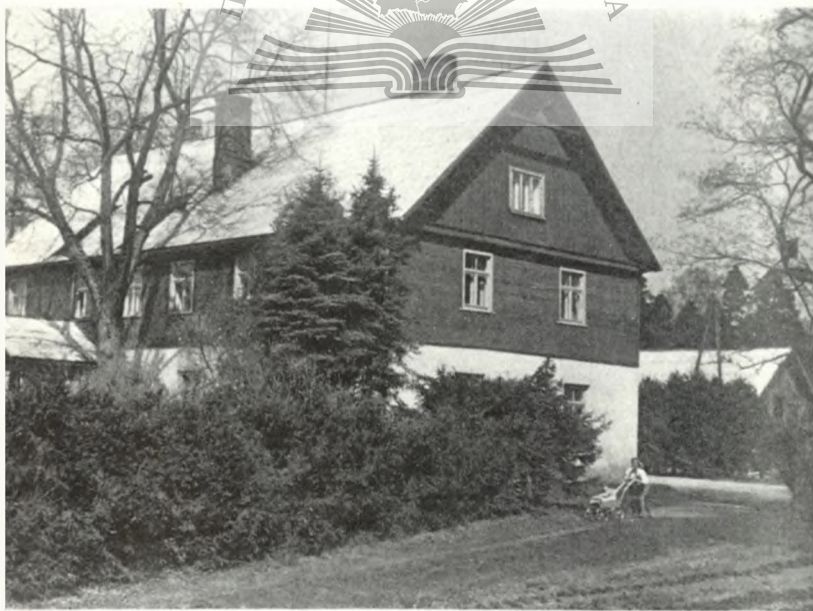
Пальмальское волостное училище, в котором с 1900 по 1902 год учился В. Г. Кнорин.

Участники подпольного социал-демократического кружка в Лигатне. Второй справа — В. Г. Кнорин (2-й ряд).

В. Г. Квирин на Западном фронте (1916
год).

Здание школы, в которой в 1910 по 1913
год учительствовал В. Г. Квирин.

Гостиница «Жорж» в Вильно, в которой
в начале 1919 года заседали ЦК КП(б)
Либ и СНК республики.

В этом доме (гор. Смоленск) проходил
1-й съезд КП(б)Б.

А. Ф. Мясников.

Д. Ф. Жилунович.

А. Г. Червяков.

Н. М. Голодод.

В. Г. Кнорин в своем рабочем кабинете.

В. Г. Кнорин с женой Ниной Александровной (слева) и дочерью Ольгой Викторовной (справа).

ПРЕЗИДЕНТСКАЯ БИБЛИОТЕКА
РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ

Н. К. Круцкая и В. Г. Кнорин.

*Есть
только одно знамя,
под которым стоит бороться
и умереть,
под которым обеспечены
победы пролетариату, —
это знамя
Маркса и Ленина...*

Чем дальше в века уходят незабываемые события Великого Октября, положившего начало новой эры в истории человечества, тем рельефнее встает перед нами героический подвиг несгибаемой когорты революционеров, составлявших цвет и гордость русского пролетариата, тех, кто под руководством великого Ленина создавал большевистскую партию, в жестоких условиях царского террора дementировал ее ряды, шел на смертный бой за лучшую долю народа. Их авторитет, — отмечается в постановлении ЦК КПСС о 60-й годовщине Великой Октябрьской социалистической революции, — влияние в массах составили тот фундамент, на котором всегда держалась сила нашей партии.

К славной когорте большевиков-ленинцев принадлежит и Вильгельм Георгиевич Кнорин — один из выдающихся организаторов борьбы рабочих и крестьян Белоруссии за победу социалистической революции, за утверждение Советской власти.

Выросший в среде рабочего класса Латвии, воспитанный на лучших его традициях, В. Г. Кнорин с юношеских лет включился в активную политическую борьбу. Он прошел путь от рядового агитатора до руководителя и организатора рабочего движения в Прибалтике, секретаря ЦК Компартии Белоруссии, ответственного деятеля Коминтерна.

В. Г. Кнорин принадлежит к тем революционерам, которые по словам В. И. Ленина, «не растратили себя на бесполезные террористические предприятия одиночек, а действовали упорно, неуклонно среди пролетарских масс, помогая развитию их сознания,

и.х организации, и.х революционной самодеятельности»¹.

Направленный партией в начале первой мировой войны в действующую армию, В. Г. Кнорин, пренебрегая опасностью, вел целеустремленную, последовательную работу среди солдат Западного фронта, готовил их для решительных революционных действий. Вместе с другими большевиками он восстанавливал разгромленные царской полицией большевистские организации. После свержения царского самодержавия явился одним из организаторов Минского Совета.

Нравственный облик В. Г. Кнорина, его неиссякаемая энергия, готовность к самопожертвованию ради дела партии вызывают у советских людей чувство гордости и восхищения. Он один из тех бойцов ленинского поколения, о которых Генеральный секретарь ЦК КПСС Л. И. Брежнев сказал, что они были и остаются для нас, большевиков эпохи строительства социализма и коммунизма, «немеркнущим идеалом».

Вот почему «очень важно», писала ветеран партии Е. Д. Стасова, «чтобы жизнь и революционная деятельность таких выдающихся борцов за рабочее дело, каким был Вильгельм Кнорин, сохранилась в благодарной памяти народа, а их пример беззаветного служения и преданности идеям коммунизма всегда был перед глазами новых и новых поколений советских людей»³.

Популяризация революционной, партийной, научно-публицистической деятельности В. Г. Кнорина приобретает особую актуальность в наше время, когда партия ставит задачу дальнейшего совершенствования форм и методов идеологической и политико-воспитательной работы, ее улучшения.

Воспитание молодого поколения на славных революционных и трудовых традициях большевиков ленинского поколения приобретает ныне исключительно актуальное значение. Именно об этом говорит Л. И. Брежнев, подчеркивая необходимость «перенять их революционную страстность, их глубокую коммунистическую убежденность, беззаветную преданность великому делу нашей партии, их огненный романтизм и неугасимую ненависть к врагам револю-

ции; перенять все это и приложить к решению многообразных задач строительства коммунизма, стоящих перед нами сегодня»⁴.

Настоящая книга представляет собой попытку автора показать многогранную деятельность В. Г. Кнорина на конкретном историческом материале, в тесной связи с эпохой, с огромной революционно-преобразующей деятельностью Коммунистической партии.

Многие годы жизни и деятельности В. Г. Кнорин был связан с Белоруссией. Он стал одним из организаторов и создателей Коммунистической партии Белоруссии, Белорусской Советской Социалистической Республики. Своей неутомимой работой В. Г. Кнорин снискал любовь и уважение белорусского народа.

Тяга людей к В. Г. Кнорину была огромной. К нему шли с предложениями и нуждами рабочие, крестьяне, служащие, писатели, артисты, ученые. Шли как к сердечному, отзывчивому, глубоко эрудированному и авторитетному руководителю Компартии Белоруссии. Шли и тогда, когда он трудился на своем высоком посту в нашей республике, и тогда, когда работал в Москве в аппарате ЦК ВКП(б). Его частыми гостями были А. Г. Червяков и И. А. Адамович, Якуб Колас и Янка Купала, артисты белорусских театров, приезжавшие на гастроли в столицу, белорусские студенты, обучавшиеся в вузах Москвы. В. Г. Кнорин подробно расспрашивал о жизни республики, помогал советом и делом.

Через всю свою пламенную жизнь В. Г. Кнорин пронес глубокую любовь к искусству. Постоянно занятый политической работой, он все же выкраивал время для знакомства с литературой, театром, музыкой. В этой страстной своей увлеченности В. Г. Кнорин никогда не был созерцателем. Все его статьи по вопросам искусства глубоко партийны по содержанию. Отдавая дань всему ценному, передовому, В. Г. Кнорин, между тем, никогда не делал скидок на художественное мастерство служителей муз.

Являясь членом Латышской секции Союза писателей СССР, он написал ряд статей о творчестве Райниса, Андрея Упита, Линарда Лайцена, Рудольфа Блауманя, в которых осветил успехи и достижения в развитии латышской литературы. Искусство было для

В. Г. Кнорина и благодатной работой, и прекрасным отдыхом. Многие ободренные, поддержанные им таланты нашли свою дорогу в литературе, музыке, театре и честным трудом на благо народа отблагодарили В. Г. Кнорина. Среди них есть немало и деятелей белорусского искусства.

В. Г. Кнорин прожил короткую, но яркую жизнь. Его светлое имя подобно тысячам имен славных большевиков-ленинцев будет вечно жить в памяти народной.

Большевики ленинской гвардии, к которой принадлежал и В. Г. Кнорин, оставили новым поколениям заветную мечту о лучезарном будущем. Советские люди самоотверженным трудом под руководством партии Ленина воплощают эту мечту в действительность, успешно создают светлое здание коммунизма.

МЯТЕЖНАЯ ЮНОСТЬ

Путь в революцию

Юрис Петрович Кнориньш ехал в волостное училище за старшим сыном. Дорога была неблизкой — верст двадцать с гаком. Тощая лошаденка, взятая у соседа, еле тянула возок. Юрис Петрович боялся лишний раз ступить бедолагу. Изредка лишь дергал вожжами. Внедой испуганно взмахивал гривой, но шагу не прибавлял.

Стояла поздняя осень. Тучи почти сливались с землей. С минуты на минуту мог хлынуть дождь. Как раз по погоде были и мысли Юриса Петровича. Безземелье, безысходная нужда издавна были уделом семьи Кнориньшей, впрочем, как и всех крестьян после отмены крепостного права, получивших «свободу» без земли.

Безземельные крестьяне, которых в Курляндской губернии насчитывалось около 300 тысяч, а в Лифляндской — около 600 тысяч, вынуждены были идти в наем к помещикам, становились батраками у кулака, мелкими арендаторами, попадая в жестокую кабалу.

Юрис не помнил отца. Петр Кнориньш, инвалид русско-турецкой войны, измученный нищетой и батрачеством, умер, когда Юрису было всего лишь полтора года. Немало горя хлебнула вдова с ребенком на руках, познала голод и холод, унижения и оскорбления.

Единственной отрадой был сын Юрис — ее надежда, ее радость. Ему дарила она и свою ласку и грустные песни, горькие слезы и редкую улыбку. Очень хотелось ей вывести парня в люди, хотелось, чтобы Юрис учился. Но учиться ему довелось лишь две не-

полные зимы. А потом была школа, которую проходили тысячи бедняков Латвии. Этой школой была сама жизнь. Юноша был способным учеником, любое дело схватывал легко и прочно. Ему были известны гончарное, бондарное, столярное и сапожное ремесла. Не имея своего угла, Юрис с матерью мыкались по всей Латвии в поисках счастья и нигде не находили его. Не вынесла изнурительной батрацкой доли мать, и остался Юрис на белом свете совсем один.

Встретилась ему в эту пору девушка, судьба которой поразительно была схожа с его судьбой. У Кристины была странная, будто в насмешку, фамилия — Миллион. Юрис и Кристина приглянулись друг другу. После свадьбы решили попытать счастья и обзавестись хозяйством. Арендовали в Скуенском приходе небольшой хутор. Хозяин хутора — «серый барон», как называли в Латвии кулаков, сдавая в аренду заболоченные, поросшие кустарником земли, нещадно эксплуатировал батраков и исполщиков.

Там, на хуторе Цели, 29 августа 1890 года у Юриса Петровича и Кристины Яновны Кнориньшей родился сын. По старому датшескому обычаю мальчику дали двойное имя — Хуго-Вильгельм. Через четыре года Кнориньши, не выдержав самодурства «серого барона», оставили хутор.

Единственным другом детства и игр маленького Хуго-Вильгельма был его двоюродный брат и однодок Хуго-Долфий. Поскольку первое имя у них было одно, Кнориньши стали звать своего сына вторым именем — Вилли, Вильгельм. Оно и было занесено в 1899 году в документы Кайвенского волостного училища, куда отвез Юрий Петрович девятилетнего Вилли, и сохранилось за ним на всю жизнь.

В семье Кнориньшей было пятеро детей: Вилли, Зельма, Альфред, Мильда и Альма. Все хотели учиться, но родители смогли послать в школу только одного, старшего — Вильгельма.

...Юрис Петрович до мелочей помнил тот осенний день. На таком же возке вез он сына в училище. Под сеном лежал самодельный, сколоченный из досок сундучок с вещами, деревянная разборная кровать, домотканая торбочка с запасом провизии. Привез Юрий Петрович сына в училище. На прощание крепко об-

нял. Сердце зашлось от жалости — впервые его Вилли оставался один.

Вслух же сказал:

— Не грусти, сынок. Я за тобой приеду. Учтис хорошо, учителей слушайся...

И вот теперь Юрис Петрович хотел взять Вилли на побывку домой. «Как он там,— тревожила беспокойная мысль.— Наверное, ждет не дождется».

Вилли узнал отца издали. Кинулся навстречу, глаза засияли от радости. «Домой! Как сладко, как радостно возвращаться домой».

По дороге только и разговоров было про домашние дела, училище, учителей.

Все глаза проглядела в ожидании сына Кристина Яновна — так соскучилась по старшенькому. С волнением ждали брата и Альфред, и Зельма с Мильдой.

Не успел возок остановиться, как все высыпали во двор:

— Вилли приехал!

Вечером при керосиновой лампе пили чай и слушали рассказы Вилли об училище. После ужина Юрис Петрович достал газету и, хитровато улыбаясь, сказал:

— А ну, сынок, покажи, чему тебя научили.

Вилли читал бойко. И сразу будто посветлело в доме...

Вскоре Кнориньши прослышали, что пальтемальский барон фон Вольф сдает около железнодорожной станции Лигатне в аренду землю. Направились туда. Средств хватало только на аренду гектара земли. Но как жить, когда на новом месте нет даже крыши над головой. Думали, гадали, продали часть скудного имущества. Но это были крохи. На помощь пришли родные, друзья. С их помощью в поселке, около станции Лигатне, в шестидесяти километрах от Риги, Кнориньши построили из еловых плах небольшой домик. Место там было красивое, удобное. Прямо к дому подступал лес, рядом пролегалa дорога, что вела к Риго-Псковскому шоссе.

Названный в шутку «Египтом», землей счастья и радости, поселок, выросший вблизи станции Лигатне, был далеко не похож на тот солнечный обетованный край, который рисовался воображению его обитате-

лей. Люди здесь жили бедно. Это же ожидало и новоселов. Аренда гектара земли не избавила семью Кнориньшей от бедности.

Юрис Петрович вынужден был тачать обувь, чтобы прокормить семью, состоявшую к тому времени из семи человек.

А время между тем шло. После долгих семейных советов было решено, что Вилли сможет учиться и дальше, если летом наймется пастухом. Иного выхода не было.

Учиться Вилли жаждал, и отцовское решение обрадовало его.

С 1900 по 1902 год по зимам он учился в Пальтемальском волостном училище, находившемся всего в полукилометре от дома. Летом же пастушничал у местных кулаков. Служба эта была изнурительной, хотя и казалась простой. Особенно тяжело пришлось Вилли в первое лето. Хозяин, к которому он нанялся, был страшно скуп и жесток. Выгонит Вилли стадо на выгон, а хозяин следом: не заснул ли пастух, по хорошей ли траве пасется, не бьет ли скотину?

Места, где приходилось Вилли пасти кулацкий скот, были заросшими кустарником да осокою. Поэтому все время приходилось подыскивать новые, еще не обглоданные животными места. На этот раз Вилли пригнал скот к молодой рожице. Трава здесь была свежая, сочная. Стадо разбрелось по откосу. По опыту Вилли знал, что пока не поднимется солнце и не налетят слепни, стадо будет спокойно. Но ему от этого было не легче. Комары-кровососы на рассвете жалели с особым остервенением. Перекинув через плечо кнут, Вилли направился к рожице. Собрал сухой валежник, чиркнул спичкой. Костерик быстро разгорелся, обдав его дымом и теплом. Это спасало от холода и надоедливых комаров.

Вилли извлек из-за пазухи вырезанную из ольховой ветки свирель. Задушевная мелодия поплыла в небесную синеву. И послышалась в ее переливах мальчишеская мечта летать, подобно птицам, под облаками.

Он охотно почитал бы книжку, да нет ее. Вчера присел было Вилли на кочку, откуда ни возьмись — хозяин:

— А-а, книжки читаешь, за коровами не смотришь!..

Прижал Вилли книжку к груди.

— Не отдам, моя книжка!

Но где ему, подростку, с мужиком силы мерить! Порвал хозяин книгу, растоптал сапогами.

...Вилли глянул на небо. Солнце уже выше леса.

Развязал полотняную, спитую матерью торбу, пожевал хозяйские лепешки.

День выдался жаркий. В такой день не лежишь. Коровы стегают себя хвостами, отгоняя слепней, норовят спастись в ольшаннике. Весь день за ними пробегаешь. К вечеру ног не чувствуешь. На хозяйскую кашу уже и смотреть не можешь — только бы лечь...

А утром опять в поле. Хозяин наставляет:

— Вчера опять бездельничал? Коровы, видно, лежали — молока мало принесли.

Иногда приезжала навестить сына Кристина Яновна. Плакала, глядя на окровавленные ноги Вилли.

— Ты уж потерпи, сынок, — гладила она по беле-сой голове сына. — За аренду платить надо, а денег нет...

Все понимал Вилли. Что и за аренду, и за учебу надо платить.

Каждое лето Вилли батрачил, а по зимам учился в Пальтемальском, а потом в Сигулдском волостных училищах. Учился с большим желанием, ненасытной жадностью. Интересовался не только преподаваемыми предметами, читал все, что попадалось под руку. Его одноклассница, дочь рабочего Сигулдской железнодорожной станции Мария Крастыня-Шурпе вспоминала позже, что в училище Вилли сплотил вокруг себя наиболее развитых учеников, вел с ними разговоры о социализме. В гражданственной лирике латышского национального поэта Райниса черпал он вдохновение. Потом Вилли с глубокой признательностью напишет, что он принадлежит к тем, кого впервые пробудил к революционной борьбе Райнис, что он благодарен ему за тот мятежный дух, который вселял в него, подготавливая ум к восприятию идей Ленина.

Училище Вилли окончил с отличием. Ему совето-

вали продолжать учебу. Но средств на это родителям собрать не удалось. К тому же подрастали младшие дети. Надо было подумать и о них. К брату Альфреду, сестрам Зельме, Мильде и Альме Вилли был всегда чуток и внимателен. Он очень хотел, чтобы пошла учиться и Зельма. Как и Вилли в свои 9 лет, сестра батрачила у местных богачей. Брата она любила и слушалась.

Однажды Вилли сказал отцу:

— Пусть Зельма идет в школу. Обещаю, папа, никогда и нигде не оставлять ее одну. Буду ей и книжки носить, помогать.

Свои обещания Вилли выполнил. Зельма успешно окончила приходское училище. И хотя дальше ей учиться не пришлось, Вилли помогал Зельме заниматься самостоятельно.

Взаимная поддержка была присуща всей семье Кнориньшей.

Летом 1905 года Вилли устроился на ватную фабрику.

Первая русская революция пробудила народные массы России. Сигналом для выступления пролетариата Латвии послужило известие о расстреле 9 января 1905 года мирной демонстрации рабочих в Петербурге.

12 января 1905 года по решению Центрального и Рижского комитетов ЛСДРП на предприятиях Риги началась всеобщая политическая стачка. С красными знаменами рабочие вышли на демонстрацию. Стачку поддержали и другие города Латвии. Царское правительство, напуганное массовым выступлением рабочих, приказало открыть по демонстрантам огонь. Улицы Риги обагрились кровью.

Летом забастовали рабочие Лигатнской писчебумажной фабрики. Поселок бурлил, на сходках рабочие бумажной и ватной фабрик требовали сокращения рабочего дня и введения выходных. Сплоченной колонной под красным флагом, с революционными песнями бастующие прошли по поселку. В их рядах находился и Вилли Кнориньш. Впереди колонны с красным флагом, высоко поднятом над головой, шел Карл Илмерс. Вскоре Вилли познакомился там с революционно настроенными рабочими.

Отмена крепостного права в России, приток в города дешевых рабочих рук из деревни дали толчок развитию промышленности и в Латвии. Развернулось строительство железных дорог, расширялась торговля, росло количество предприятий. Промышленный пролетариат, пополняемый обезземелевшими крестьянами, становился грозной силой. Особенно большой его концентрацией отличалась Рига, которой В. И. Ленин уже в 90-е годы отводил среди фабричных центров России третье место после Петербурга и Москвы.

Развитие капитализма в Латвии сопровождалось усилением эксплуатации трудящихся города и деревни. Продолжительный рабочий день (11—14 часов), низкая оплата труда, штрафы, невыносимые бытовые условия — такова была жизнь латышских рабочих. Выход из бесчеловечной эксплуатации им указывала Латышская Социал-Демократическая Рабочая Партия (ЛСДРП), созданная в 1904 году в результате объединения разрозненных социал-демократических организаций. Авторитет и влияние в массах членов партии были весьма велики.

Образ рабочего, сжимающего крепкими мозолистыми руками древко флага, навсегда врезался в памяти Вилли. Тогда он не знал еще, что пройдет совсем немного времени и совместная борьба накрепко сплотит их единством революционных помыслов и действий.

Всеобщая политическая стачка росла и ширилась. К ней присоединились сельскохозяйственные рабочие. В Цесисском уезде они отбили у конвоя четверых своих товарищей, арестованных за революционные выступления.

Подпольные прокламации, листовки призывали рабочих объединяться в боевые отряды. Рабочие-боевики, как называли вошедших в отряды, были опорой рабочего класса в борьбе за свержение власти эксплуататоров-кровососов. Они познакомили Вилли с революционными прокламациями.

В одной из них говорилось:

«Мы поливаем своим потом землю, которой нет у нас ни пяди. Наше положение становится все более тяжелым, с нами поступают как с вьючным живот-

ным — чем больше везет, тем больше на него наваливают».

Слова эти обжигали огнем сердце юного Вилли.

Царское правительство бросило против восставших войска. Карательные отряды рыскали по всей Латвии. Хватали рабочих по первому подозрению, по первому доносу шпика или штрейкбрехера.

В результате кровавого террора в Латвии пострадало свыше 10 тысяч человек, около 3 тысяч было убито. Но жестокая расправа не сломила веры рабочих и крестьян в справедливость своей борьбы. Поражение убеждало их в необходимости еще теснее сплотить свои ряды.

Революция была подавлена. Лучшие сыны и дочери народа оказались в тюрьмах или вынуждены были прятаться в лесах. Партизаны-боевики, не сложившие оружия, жгли имения баронов, совершали дерзкие налеты на отряды карателей, освобождали арестованных товарищей, боролись против предателей и шпионов. Они поддерживались поддержкой рабочих и крестьян Латвии. Посильную помощь им оказывала и семья Кнориншей. По свидетельству сестры Вилли Зельмы, партизаны неоднократно наведывались и в их дом. Юрис Петрович ремонтировал им обувь. Кристина Яновна шила одежду.

Революционные события в Латвии способствовали росту влияния латышской социал-демократии среди рабочих и крестьян, одновременно диктовали необходимость объединения ЛСДРП с РСДРП.

Объединение двух революционных партий состоялось на III съезде ЛСДРП, который собрался 5 июля 1906 года. На нем была создана Социал-демократия Латышского края (СДЛК). Съезд ознаменовал новый этап в истории борьбы пролетариата Латвии. Предвидя прилив новой революционной волны, СДЛК звала рабочих готовиться к новым классовым битвам.

В одной из листовок Рижского комитета СДЛК того времени говорилось: «Вступая в бой сплоченными рядами под знаменем социал-демократии и с проясненным классовым самосознанием, мы скорее разрушим стены самодержавия и расчистим путь для нашей дальнейшей борьбы за освобождение пролетариата и всего человечества, за социализм».

Виллис Кнориньш встал в ряды революционных борцов с юношеских лет. Позже он писал, что с революционным движением пришел в соприкосновение в период карательных экспедиций в Латвии в 1906 году, свое содействие партии относил к 1902 году.

Характеризуя события 1905 года, В. И. Ленин отмечал, что в период революции латышский пролетариат и латышские социал-демократы занимали одно из первых, наиболее важных мест в борьбе против самодержавия и всех сил старого мира, что латышские социал-демократические рабочие, умело сочетая подпольную и нелегальную работу, сохранили партийные нелегальные рабочие ячейки, чтобы защищать и развивать традиции революционной борьбы и воспитывать борцов из молодого поколения рабочего класса ⁵.

Революционные события 1905 года помогли Вильгельму Кнориньшу окончательно определить свой путь, стать в ряды большевиков. С этого пути он уже никогда не сворачивал.

Виллис Кнориньш сознавал, что для успешной борьбы за дело трудового народа нужны знания. На продолжении его учебы настаивал и его прежний учитель Веннер.

— Вот тебе, Виллис, пятьдесят рублей, иди, учись, — сказал он однажды при встрече со своим любимым учеником.

— Спасибо, учитель, — покраснев от смущения, ответил Виллис. — Никогда не забуду вашей помощи.

— Учись, Виллис. Я верю в тебя. А долг отдашь потом, не мне, а своему народу.

В августе 1906 года Виллис начал заниматься в Вольмарской учительской семинарии. Здесь он сдружился с Карлом Янелем, Леоном Паэгле, Антоном Рускисом, Карлом Мишке, Людвигом Резаусским и другими. Их объединяли вера в идеалы революции, в светлое будущее всех обездоленных. В семинарии действовал революционный кружок, издавался свой рукописный журнал. Счастливым, полный самых светлых надежд, Виллис с головой окунулся в учебу.

Кроме предметов по программе изучал труды Карла Маркса, В. И. Ленина, Гегеля, Плеханова. Первый том «Капитала» К. Маркса у Вилли был собственный, испещренный его пометками. «Манифест Коммунистической партии» стал для него знаменем революционной борьбы. Призыв «Пролетарии всех стран, соединяйтесь!» окрылял юношеское сердце.

Другом Вилли по семинарии стал будущий известный латышский поэт — коммунист Леон Паэгле. Вместе они сидели за одной партией, выступали на дискуссиях, пробовали свои поэтические, литературные и публицистические способности в семинарском рукописном журнале.

Однажды в классе Карл Янель передал Вилли записку: «Сегодня будем бить декадентов...»

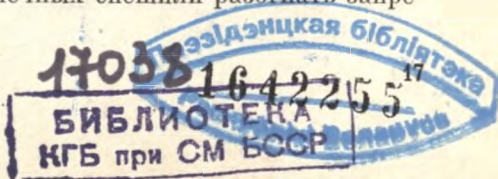
Вилли понимающе улыбнулся и согласно кивнул Карлу головой. Ему может быть больше чем кому другому хотелось дать бой болезненной музе этих хлюпиков. Увлеченный поэзией Райниса, Вилли терпеть не мог упаднической лирики декадентов. Ему были чужды мотивы обреченности, страха, неумной тоски, пассивный индивидуализм, ханжеское смирение, которые клялись квиривали в литературе представители этого направления буржуазного искусства.

...Вечером небольшая комната семинарского общежития была заполнена до отказа. Пришел и Вилли со своими друзьями Леоном Паэгле, Карлом Янелем, Антоном Рускисом.

Опершись нервными руками о спинку кресла, высокий, с угреватым лицом семинарист читал стихотворение. Цинизм, политическая близорукость, мещанство, которые сквозили в каждой строке, возмущали и Вилли. И не успел еще семинарист сесть, как он вышел вперед, стал читать Райниса. Читал на родном языке, затравленном и запрещенном.

Слова звучали набатом. Вилли читал и видел, как разгораются у его друзей глаза, как расправляются юношеские плечи.

Но Вилли не успел дочитать стихотворения. За дверью послышались топот и выкрики. Вечно подзрительные «блюстители» нравственности и духовной чистоты своих подопечных спешили разогнать запрещенное собрание.

Расходились молча, но горячих взглядов не прятали. Карл Янель протиснулся к Вилли и крепко пожал руку...

Такие собрания проходили не только в семинарии и не только по поводу разногласий с почитателями декадентской поэзии. Вилли Кнориньш, Карл Янель посещали нелегальный кружок Социал-демократии Латышского края, который существовал в Вольмаре и объединял воспитанников учебных заведений города. Там же получали литературу. Иногда книги передавала двоюродная сестра Карла Янеля Анна Полис. Нелегальную литературу хранили на квартире Паруша.

Обменяться книгами, новостями собирались и летом, во время каникул. Иной раз на условленное место приходилось идти за многие километры. Собирались также и в доме Вилли.

Приезд Вилли домой был для всех праздником. Юрис Петрович советовался с ним как со взрослым, мать не могла наглядеться на своего старшенького, сестры нетерпеливо ждали его рассказов о жизни и учебе в городе, брату Альфреду не терпелось поделиться с Вилли своими успехами в приходском училище. Вилли замечал, как постарели от тяжелой работы родители, как выросли сестры, возмужал младший брат Альфред. Как и Вилли, летом батрачил у «серых баронов».

В первый же вечер, оставшись один на один с братом, Вилли достал из чемодана пожелтевшую потертую книжку, протянул ее Альфреду:

— Прочитаешь — вернешь. Только смотри, стадо не растеряй. Иначе выгонит тебя хозяин.

Альфред раскрыл книжку. «Прошел год — ужасный, кровавый год, — вслух прочел он. — Многому мы научились, но, главное, мы научились понимать свои силы и силы противника. Свою неодолимость. Мы неодолимые, как сама жизнь, мы верим жизни, мы верим будущему, мы убеждены в своей победе — мы смело и решительно вступаем в третий год российской революции, чтобы отомстить за павших и завоевать счастье для угнетенного народа».

— Значит ты вместе с ними? Ты революционер! — воскликнул Альфред.

— Но об этом никто не должен знать. Понял? Никто!

— А меня примете?

— Только не сейчас, — ответил Вилли. — Пока что тебе нужно учиться. Кто хочет драться, тот должен сил подсобрать. Понял?

— Ясно как день!..

Юрис Петрович, конечно, не возражал против учебы второго сына, только вот с деньгами...

— Придется занять, — твердо сказал Вилли. — Да и я немного помогу. Буду частные уроки давать. Пусть только учится.

Свое обещание Вилли сдержал. Помогал брату в учебе, знакомил с социал-демократической литературой и вывел на светлый путь борьбы за счастье людей.

Во время летних каникул Вилли встречался с рабочими фабрики Виссендорфа, расспрашивал о жизни, работе. В одну из таких встреч товарищи познакомили Вилли с Карлом Илмерсом. Руки у него и в самом деле оказались крепкие и мозолистые. Рукопожатие было ободряющим, дружеским.

— Значит, семинарии учишься? — спросил Илмерс. — Это хорошо. А мне вот не придется...

— Так можно самому учиться, — предложил Вилли. — У меня сейчас каникулы. Приходи...

Летом в домике Кнориньшей бывало тесно. Собирались друзья Вилли по семинарии, молодые учителя, начинающие литераторы. Усаживались где придется, горячо спорили, обсуждали произведения Андрея Упита, Генриха Гейне, Пушкина, Шекспира.

Читали и собственные произведения. Здесь, вероятно, впервые звучали по-юношески задиристые, политически острые стихи, статьи, заметки Вилли. В полдень, когда нестерпимо дожимала жара, а у заядлых спорщиков взмокали чубы, беседа затихала, и все бежали купаться. Потом все начиналось сначала. Своим в доме Кнориньшей стал и Карл Илмерс, по партийной кличке — Страутынь. Только поздно вечером расходились «спорщики» по домам. Кому было далеко, оставались ночевать. На этот случай ребята соорудили в саду шалаш. Любил ночевать в нем и Вилли. В шалаше можно было продолжать незакон-

ченные днем беседы. Но каникулы быстро кончались. Вилли возвращался в Вольмар.

Семинаристов, возвратившихся после каникул, ожидал сюрприз — новый директор Страхович. С первых же дней он ввел жестокий режим, будто давая понять, что его фамилия и дела совпадают. Страхович был воплощением реакционности. Он не стеснялся тайком копаться в личных вещах семинаристов, проверял книжки, дневники, запретил пользоваться созданной семинаристами библиотекой латышской литературы. За чтение книг на родном языке грозил штрафом. Запрещалось также без достаточно веских причин уходить в город.

Строгие меры, принятые директором семинарии, были его реакцией на сообщение начальника Лифляндского губернского жандармского управления своему начальству в Ригу о том, что «воспитанники Вольмарской учительской семинарии выделяются в общем противоразительнейшим направлением и большинство учителей, принимавших участие в революционном движении, получили образование в этом учебном заведении». Точных сведений о положении дел в семинарии доведший не имел «за отсутствием в ней агентуры».

Вильгельм Кноринг выступал в печати с небольшими статьями на темы семинарской жизни, рассказывал о событиях в Вольмаре на страницах легальной латышской газеты «Варпас» («Колосья»), которая издавалась под редакцией Янсона Брауна.

— Из этого семинариста выйдет толк, вот увидите, — с волнением говорил редактор, подписывая в набор новую статью Вильгельма. — Смело и решительно пишет.

Новым автором заинтересовались еще больше, когда получили его статью «М. Горький и пролетариат».

Впечатляли взгляды девятнадцатилетнего семинариста, подчеркивающего, что «талант Горького будет служить людям грядущего творческого труда и что ключ к этому грядущему было бы напрасно искать у тех, кто будто бы представляет взгляды либеральной общественности, а по существу является наймитом буржуазии».

Революционную убежденность, богатую аргументацию, знание марксистской философии показал Вильгельм Кнориньш и в других своих статьях и рецензиях.

В это время еще прочнее стали связи Вилли Кнориньша с революционным кружком Лигатнской писчебумажной фабрики, являвшимся составной частью Видиенской организации СДЛК с центром в Вольмаре. Через руководителя кружка Карла Илмерса Вилли был в курсе всех дел на фабрике, выполнял отдельные его поручения.

В кружке Вилли познакомился с Яном Аболинем, Августом Бривулисом и другими товарищами.

1 мая 1910 года, незадолго до окончания семинарии, Вилли был принят лигатнским кружком в ряды СДЛК. Он сразу же примкнул к его большевистскому крылу. В то время, по словам В. Г. Кнорина, кружок состоял примерно из 9—11 человек, которые в основном были рабочие — большевики Лигатнской писчебумажной фабрики.

Кружковцы регулярно собирались вместе. В подготовке и проведении их собраний принимал активное участие и Вилли Кнориньш. Легальной базой кружка было пальтемальское просветительное общество. Здесь часто перед рабочими выступал с докладами Кнориньш.

Довольно часто собрания проводились с участием представителей Рижского комитета.

Одно такое собрание по конспиративным причинам провели в кемпской корчме. Иногда собирались в частной пекарне, где работал один из членов кружка. Кружок имел хорошо налаженную связь с Ригой, откуда кружковцы в большом количестве получали политическую литературу, которую затем распространяли среди фабричных рабочих.

Кнориньш выступал с докладами на нелегальных собраниях в Лигатне, Цесисе, Сигулде.

На одном из собраний лигатнского кружка Вилли сказал Карлу Илмерсу:

— Получил назначение в Страупе. Осенью должен приступить к работе.

— Поезжай. Страупе — это неплохо, — согласился Илмерс. — Место глухое, мы туда еще не дошли. Вот

гы и будешь там нашим представителем. Объединяй крестьян, батраков. Словом, действуй! Через кого держать связь, дадим знать позже.

На прощание Карл и Вилли обменялись крепким рукопожатием.

Вот и окончена семинария. Прощай, Вольмар. Здравствуй, новая неизведанная жизнь!

На подпольной партийной работе

Счастливым, взволнованный возвратился Вилли домой. Родители с гордостью рассматривали новенький учительский диплом сына. Мать смахивала слезу, отец долго протирал очки. Сестры сияли от радости.

— Где же работать будешь, сынок? — справившись с волнением, спросил Юрис Петрович.

— В Страуце — бодро ответил Вилли. — Буду медвежий угол обживать, детей учить.

— Это хорошее дело, сынок, — ласково одобрила мать. — Пусть счастье сопутствует тебе на этой дороге!

...Страуне ничем особенным не выделялось от других уездных городков Латвии. Окрестные поля и леса принадлежали барону. Над умами людей властвовала церковь. Приходская школа, конечно, не могла соперничать с нею: ветхое деревянное строение в два этажа на фундаменте из дикого камня.

Нового учителя заведующий школой Залит встретил настороженно — не понравилось достоинство, с которым тот держался. Посмотрев диплом, важно сказал:

— Ну что ж, господин Кнориньш, будем работать. Хорошо, очень хорошо, что приехали немного раньше. Устройтесь, познакомьтесь с местной интеллигенцией. Нас здесь, правда, мало...

Залит на мгновение перестал сыпать словами, потом сказал:

— Обязательно побывайте у пастора Гроссэ. Рекомендую. Умнейший человек.

— Благодарю. Надеюсь, у меня будет время познакомиться, — сдержанно ответил Вильгельм.

— О, времени у вас будет предостаточно, это верно, — вновь начал Залит. — С жильем не волнуйтесь. Устроим. Если не против, можно и у меня, — пригласил Залит.

Вильгельм учтиво отказался.

— Тогда устраивайтесь в школе. Есть тут у нас небольшая боковушка. До вас учитель жил. А столоваться — покорнейше прошу ко мне. Будете довольны.

Последнее предложение Вильгельм принял — обстоятельства вынуждали.

Своей первой встречи с учениками Вильгельм ждал с волнением. В ночь перед занятиями не спалось: вспоминал родной дом, друзей по семинарии. «Видимо, так же, как я, не спит сейчас в Сигулде Карл Янель», — подумал он о друге. Вспомнился Леон Паэгле.

Настало утро. Первое утро самостоятельной жизни, первые ученики. Глядя на вихрастые головы детей, таких родных и близких, Вилли сразу успокоился. В них он узнал себя, свое детство, батрачество.

Между учителем и учениками установилось полное доверие. Каждое слово наставника стало для учеников авторитетом. Он был с ними всюду: на занятиях, в интернате, любил смотреть на их озорные игры. К урокам литературы, которые он вел, ребята готовились особенно старательно, стыдились получать посредственные отметки.

Ребята любили оставаться с учителем после занятий. И тогда в классе звучали стихи Райниса, Аспазии, рассказы Короленко, Горького. Доверял учитель ребятам и свои, только что написанные стихи, рассказы. В его комнатку мог войти каждый: за советом, помощью или за разрешением спорного вопроса.

В такие моменты Вильгельм отодвигал в сторону незаконченную статью, недочитанную книгу и началась беседа. Особенно нравилась всем придуманная учителем анкета. Один из вопросов касался любимых героев прочитанных книг. Ответы на него были самые разные. В числе своих любимых героев ребята назвали Райниса, героя латышского эпоса Лачплесиса, известного педагога Песталоцци и других.

Анкета давала возможность Вильгельму ближе

познакомиться со своими воспитанниками, их взглядами, подсказывала направление работы. Он дал подробную характеристику ответам, тактично отметил недостатки. Дети с воодушевлением слушали учителя.

Неподалеку от школы находилась заброшенная могила. В ней покоился прах расстрелянного карателями повстанца 1905 года. Однажды ребята увидели, как к могиле с цветами в руках подошел их учитель. С этих пор школьники сами стали досматривать могилу борца.

Вокруг Кнорина группировались старшие ребята. Они приходили к учителю со все более сложными вопросами. Зерно, посеянное им, давало первые всходы.

Вильгельм Кнориньш создал в школе кружок революционно настроенных учеников старших классов, участники которого стали впоследствии верными борцами за дело рабочего класса.

В помещении местного сельскохозяйственного общества В. Г. Кнориньш, известный в то время партии под псевдонимом Улис, ввел в систему проведение вечеров вопросов и ответов. Они пользовались огромной популярностью у местного населения. Ответы на вопросы В. Г. Кнориньш тесно увязывал с насущными проблемами революционного движения.

В обстановке дальнейшего расслоения крестьянства сельскохозяйственные рабочие Латвии все решительнее начинали включаться в борьбу против царизма, используя для этого легальные общества, народные гулянья, религиозные празднества.

Широко пользовались этими формами и кружковцы Лигатнской писчебумажной фабрики. Вилли Кнориньш принимал активное участие в проведении нелегальных сходок. Иногда собрания кружка проводили и в домике Кнориньшей в Лигатне. Юрис Петрович, знавший о революционной деятельности сына, в такие моменты обеспечивал безопасность сходок, наблюдая за дорогой.

В 2—3 километрах от Страупе, в Плацисе, находился Дом просвещения, в котором часто с рефератами и лекциями выступал Вилли Кнориньш. «Его выступления вызывали острые дискуссии и споры, — вспоминала позже одна из его учениц Анна Риек-

стинь.— Но среди передовой интеллигенции наш учитель пользовался большим авторитетом. Его уважали за начитанность, глубокую эрудицию, стремление идти вперед, к новому, за ясность взглядов...»⁶

Вилли Кнориньш активно участвовал в работе нелегальной социал-демократической фракции Пальтемальского просветительного общества: выступал с лекциями на собраниях общества и заседаниях фракции по вопросам литературы, просвещения, борьбы с пьянством, за равноправие женщин. Общество насчитывало 50 членов. Около 40 из них были рабочими бумажной фабрики.

Через Паулу Пакуль с хутора Накули Вилли Кнориньш поддерживал тесный контакт с лигатским кружком. Через Паулу руководитель кружка Карл Илмерс передавал поручения Вилли Кнориньшу, сообщая место и день проведения собраний, снабжал литературой.

К осени 1910 года лигатский кружок пополнился новыми членами. По рекомендации Вилли был принят в ряды СДЛП его друг и единомышленник Карл Янель, работавший после окончания семинарии учителем в Сигулде. Выполняли поручения кружка младший брат Вилли Альфред и 15-летняя сестра Альма.

Лигатский кружок вел пропагандистскую работу не только на фабрике, но и среди крестьян и батраков Страупе, Пальтемаля, Рамы, Нурмежи. В 1912 году кружком был разработан и представлен на утверждение властям устав пальтемальского общества сельскохозяйственных рабочих, но в утверждении его было отказано.

Члены кружка, в основной своей массе большевики, вели решительную борьбу против меньшевиков. Кружковцы размножали получаемые из Вольмара и Риги листовки, которые распространяли на фабрике и в окрестностях города, в праздничные дни вывешивали на видных местах красные флаги. Устраивались любительские спектакли, в которых подчас принимали участие и приезжавшие из Вольмара пропагандисты. Весь сбор от спектаклей поступал в партийную кассу.

Образованному, уже известному к тому времени литературному критику Вилли Кнориньшу поруча-

лись задания, требующие больш.) конспиративного мастерства, способностей организатора и пропагандиста. Он направлял работу революционного кружка в Страупе, выступал с докладами в партийных кружках Цесиса, Сигулды и некоторых других городах Латвии.

Летом, во время каникул, Вильгельм вместе со своим другом Карлом Янелем приезжал к родным. И как в прежние годы, вновь в том же домике собирались друзья. Дом оживал, особенно радовались Мильда и самая младшая сестра Альма.

— Ты как Чацкий: прямо с корабля на бал, — сияла Мильда. — Сегодня у нас такое гулянье!

О гулянье Вилли знал и даже принимал участие в его подготовке, но вида не подал. Для всех гулянье, для немногих — нелегальная сходка. Вслух же поинтересовался:

— А какие еще новости?

— Лучше и не спрашивай, — поспешила рассказать Мильда. — На бумажной фабрике листовки нашли, а на 1 Мая на самых высоких соснах, что у проходной, красный флаг вывесили. Жандармов понаехало... Революционеров ищут.

Вилли и Карл переглянулись, сели.

— Ну и что?.. Нашли? — спросил Вилли.

— Еще что! — возмутилась Мильда. — Ищи ветра в поле. Но что же вы сели, пойдем гулять.

— Какое же гулянье без цветов? — спросил Карл.

Вилли подмигнул Альме:

— Беги в сад, принеси красных гвоздик.

Но Альму обгоняет Мильда. Она пулей вылетает в сад, спеша выполнить поручение брата. Мильда еще ничего не знает, что Вилли и Карл и есть те самые революционеры, которых разыскивают жандармы, что они являются участниками нелегальной сходки, которая сегодня должна состояться, что красные гвоздики, предназначенные для пикетчиков, это не просто цветы, а опознавательный знак, пароль.

Позже она узнает обо всем и полюбит брата и его верного друга еще больше, будет первой их помощницей, товарищем по борьбе на всю жизнь. А пока она торопилась к Вилли с букетом красных гвоздик в руках.

— Тебе с Карлом шесть, а мне все остальные, — смеясь, сказала Мильда.

И вот они вместе вышли на улицу. К ним присоединились друзья, знакомые. Карл Янель и Вилли незаметно раздали гвоздики пикетчикам. На улице им встретился Карл Илмерс, но Вилли и Карл Янель даже вида не подали, что знают его. Никто не должен даже подозревать, что они знаются с фабричными рабочими.

— Смотрите во все глаза, — наставлял пикетчиков Вилли, вручая им гвоздики. — И ты, Альма, побудь с ними.

— А как же гулянье? — растерянно заморгала сестра. — Ты же обещал...

— Будет время и для гулянья, не сердись, сестричка. Только бы дождь не помешал, — взглянул на надвигавшуюся черную тучу Вилли.

И действительно, не прошло и получаса, как хлынул дождь. Все вынуждены были укрыться в здании волостного управления, где во всю гремела музыка, танцевали раскрасневшиеся пары.

Сходку решено было провести здесь же, в помещении волостного правления, в зале заседаний просветительного общества.

В самом конце собрания двери зала неожиданно открылись и в них показался нарядно зашмелевший чиновник. На какое-то мгновение собравшиеся растерялись, потом дружно запели. Для чиновника, очевидно, такая встреча также была неожиданной, он постоял, поморгал глазами, несколько раз икнул, пробормотал что-то и вышел. Но вскоре протрезвел и со всех ног бросился к волостному старшине, забарабанил в дверь.

Но тот спросонья не внял доносу и прогнал чиновника.

Однако утром в правлении разговор возобновился.

Старшина выслушал доносчика внимательно, приказал дать делу ход. Об этом случайно узнал Юрис Петрович, который еще с утра побывал в правлении. Встревоженный, он прибежал домой, растолкал спавшего сына.

— Правлению известно о вашей вчерашней сходке, — торопливо рассказывал он. — Говорят, песни вы

запрещенные пели. Если что нужно спрятать — давай!

— Хорошо, отец, — поднялся с кровати Вилли. — Спрячь вот это...

И начал вытаскивать из-под матраца бумаги, книжки.

— А насчет песен ты не волнуйся. Мы знаем, какие песни в правлении петь можно. Свои песни мы поем на вольном просторе, и так поем, чтобы всем слышно было.

Громкие слова Вилли разбудили Карла Янеля.

— Что случилось? — спросил он.

— Про сходку нашу пронюхали. Чего доброго сюда нагрянут, — ответил Вилли.

— Карлу на всякий случай лучше б было скрыться, — предложил Юрис Петрович.

— Правильно. Собирайся, позавтракаем и в дорогу, — согласился Вилли. — Если будут брать, так меня одного.

— Никуда я не поеду, — заупрямился Карл. — Как я тебя оставлю? Нет, это не товарищески.

— Хочешь компанию в тюрьме составить? — нахмурился Вилли. — Собирайся. Так будет лучше...

Карл больше не возражал. На прощание Юрис Петрович сказал:

— Тебя здесь не было, понял? Если что, мы подтвердим. Счастливой дороги.

— До встречи!..

Однако местные власти все же не решились дать делу ход. Не мог же старшина волостного правления признать, что в его учреждении проходят нелегальные собрания.

А между тем лигатский кружок рос количественно, расширял свою деятельность. Его влияние распространилось уже не только на рабочих своей фабрики, но и на крестьян и сельскохозяйственных рабочих Страупе, Пальтемаля, Рамы, Нурмузей, Сигулды.

Лигатский кружок повел решительную борьбу с меньшевиками. Эта борьба привела к окончательному разрыву с ними после шестой Пражской конференции. В Лигатне решительную борьбу с лидером меньшевиков Рудольфом Линдынем-Пагансом вели Вильгельм Кнориныш, Карл Янель и другие.

Каникулы заканчивались. Вилли возвратился в Страупе. Воспитание детей, революционная работа, порученная ему лигатнским нелегальным кружком, требовали его ума, горячего сердца. Вилли Кнориньш продолжал публицистическую и литературно-критическую деятельность, углублял свои познания в философии, живо интересовался теорией литературной критики, эстетикой, изучал творчество первых латышских литературных критиков-марксистов Я. Янсона-Брауна, А. Упита, а также произведения В. Г. Белинского, Н. Г. Чернышевского, Н. А. Добролюбова, Г. В. Плеханова.

Горячо откликнулся Кнорин на поэму Райниса «Аве сол!» («Да здравствует солнце!»). В рецензии, опубликованной в газете «Зиемиелис» («Север»), Вилли отмечал широкий круг оригинальных идей поэмы, каждая строка которой глубоко волнует, побуждает к действию.

Поэма утверждала верность прекрасным идеалам борьбы против мракобесов и слуг тьмы. Позиция Райниса ясна — он за революционную бурю. В период реакции его поэма явилась зовом к революции. Пафосом борьбы, жизнеутверждающей силой были наполнены строки рецензии Вилли, считавшего, что всем, кто живет ради лучшего будущего, эта поэма придает смелость, могучую веру в победу.

Еще в семинарии Вилли Кнориньшем были написаны рецензии на стихи А. Курция, напечатанные в газете «Север», вскоре, однако, закрытой, как и латышская «Варпас» («Колосья»), царским правительством. Это обстоятельство на некоторое время прервало литературно-критическую деятельность Кнориньша, но с тем большим энтузиазмом отдался он школе, легальной и нелегальной революционной работе. В начале 1911 года Вилли установил творческие связи с Лиепайской прогрессивной газетой «Дзиве» («Жизнь»), на страницах которой вскоре появилась его новая рецензия на книгу Я. Райниса «Несомые ветром листья».

Отдавая дань уважения высоким художественным качествам поэзии Райниса, Вилли подчеркивал в новом сборнике стихов поэта органическую и неразрывную его связь с чаяниями своего народа.

В марте 1911 года Вилли Кнориньш опубликовал еще одну рецензию на новую книгу Я. Райниса «Те, кто не забывает».

Период сотрудничества Вилли Кнориньша в газете «Жизнь» был плодотворным. За 1911—1912 годы он опубликовал в ней около 20 рецензий, корреспонденций, стихотворений.

С середины 1911 года Вилли начал регулярно печататься в другой легальной социал-демократической газете «Лайка балсс» («Голос времени»). За пропагандируемые ею прогрессивные взгляды газета неоднократно закрывалась, а ее издатели и редакторы отправлялись в тюрьмы.

В начале 1912 года Кнориньш обратился с письмом к издателю и редактору сборника «Вардс» («Слово») Андрею Упиту, в котором выразил горячее желание сотрудничать в «Слове», ибо всегда старался твердо стоять на базе взглядов рабочего класса, применять принципы материалистической критики искусства. «Теперь хочу, — писал он, — основные принципы этого метода изложить в теоретической статье, может быть, этим удалось бы хоть немного прояснить темную область литературной критики».

Знакомство Вилли Кнориньша с Андреем Упитом, сотрудничество в «Слове» и в таких прогрессивных изданиях, как «Домас» («Мысли»), «Яуна Диенас Лапа» («Новый дневной листок»), а также в легальной марксистской газете «Лайка балсс», служившей в то время трибуной всей латышской социал-демократии, расширили творческий диапазон молодого критика. Одной из новых больших удач автора была статья «Искусство и диалектика», опубликованная в первом сборнике «Вардс» за 1912 год. «Литературное дело в буржуазной Латвии, — писал Вилли Кнориньш, — страдает неполнокровностью, оно — пустоцвет, пораженный червоточинной. Оно не способно дать полноценные художественные всходы».

Автор статьи глубоко и всесторонне обосновывал тесную взаимосвязь искусства с общественно-экономическими отношениями, подчеркивал классовый характер искусства, отмечал его место и роль в общественном развитии. Задачу пролетарского искусства

он видел в пробуждении сознания каждого рабочего, его веры в силы рабочего класса.

Призывая равняться на передовое творчество Я. Райниса и А. Упита, Вилли Кнориньш поднимал на новый уровень требования к писателю, который должен стоять на идейной вершине своего времени. Этой вершиной он считал марксистскую идеологию.

Статья В. Кнориньша была положительно оценена известными латышскими критиками-марксистами. Один из них, Янсон-Браун, писал: «Радует встреча с В. Кнориньшем («Искусство и диалектика»), ибо тут перед нами серьезный, убежденный писатель, который действительно знает и владеет своим предметом».

В начале 1913 года в сборнике «Вардс» появилась вторая статья Вилли Кнориньша «Содержание и форма», продолжившая разговор о творчестве писателя, соотношении идеи, содержания и формы литературного произведения. Исследуя проблемы писательского мастерства, молодой критик отмечал, что окружающая действительность, динамика жизни, диалектическое развитие бытия является основой всякой художественной деятельности.

В статье с принципиальных марксистских позиций анализировались произведения латышской литературы. Излагая свои взгляды на партийность, классовость литературы и искусства, В. Г. Кнориньш призывал писателей все свое творчество ставить на службу рабочему классу, писать так, чтобы произведение понимали рабочие, чтобы каждое слово доходило до сердца трудящегося человека.

Вилли Кнориньш явился первым латышским критиком-марксистом, давшим правильную оценку произведению Я. Райниса «Индулис и Ария», как первой великой трагедии национальной латышской литературы, подчеркнув ее общественное значение и национальный колорит. «Он первый высказал взгляды, которые все более утверждались и стали общепринятой истиной»⁷, — писала литературовед Э. П. Кнопс, отмечая выдающуюся роль Вилли Кнориньша в оценке произведений Я. Райниса.

Кнориньш был бескомпромиссным критиком в оценке произведений как близких ему друзей, так и

самого Андрея Упита. 4 июня 1912 года, отсылая А. Упиту восемь своих рецензий, Кнориньш подчеркивал, что большинство рецензий — отрицательные. «Сам удивлен,— писал он.— Но что положительного можно написать о работах Скуиня, Гулбья, Роберта? Может быть, то, что некоторые из них хотят быть представителями общественного искусства? Но, мне кажется — в нашем общественном искусстве не следует щадить немощных — сорняк надо вырывать своевременно»⁸.

В целом положительно оценивая произведения А. Упита, отмечая огромное значение его творчества для развития латышской литературы, Вилли Кнориньш аргументированно критиковал отдельные положения его произведений, подчеркивая при этом, что это его личное мнение и что лицемерить он не мог. «Мне кажется,— писал он,— что как в лирике, так и в рассказе и я имею право Упиту предъявлять большие требования, чем к начинающим»⁹.

Андрей Упит с глубоким уважением относился к литературно-критическим замечаниям Вилли Кнориньша, работы которого, по его мнению, свидетельствовали о чрезвычайно талантливом марксистском мыслителе и тонком ценителе искусства.

Находясь в бурном водовороте жизни, Кнориньш не ограничивался лишь литературно-публицистической деятельностью. Он поддерживал постоянную связь с видненской и рижской организациями СДЛК, посещал партийные собрания, участвовал в рабочих собраниях легальных культурно-просветительных обществ, которыми умело пользовалась СДЛК для повышения классового самосознания рабочих и пропаганды революционных идей.

Страстный пропагандист революционных идей, Вилли Кнориньш выступал с лекциями в Риге, Страупе и других городах и местечках. 2 октября 1912 года он писал друзьям о своей двухчасовой лекции в обществе «Аусма», вызвавшей большой интерес рабочей аудитории. В другом письме Вилли Кнориньш сообщал, что он полностью отдается школе, приводит цитаты из сочинений детей, подтверждающих духовное состояние и развитие своих воспитанников.

Кнориньш предложил своим питомцам создать

кружок. Руководителем кружка порекомендовал избрать Анну Риекстынь. Ребята с энтузиазмом приняли предложение учителя. Через нее он направлял работу кружка, давал новые книжки, устраивал литературные диспуты.

В этот период вся прогрессивная общественность Латвии отмечала юбилей Райниса, который в результате репрессий буржуазного правительства вынужден был эмигрировать в Швейцарию. Кнориньш посоветовал своим ученикам поздравить юбиляра и послать подарок. Он был скромным — букет роз и веточки вербы. Райнис и его жена Аспазия, поэтесса и драматург, были тронуты до слез. Как самую дорогую реликвию держали они в руках послание юных читателей и первые цветы родной земли.

Совсем по-иному восприняли этот шаг Кнориньша и его учеников пастор Гроссэ и некоторые представители местной интеллигенции. В прогрессивной деятельности Кнориньша они узрели угрозу существующему строю. Нашлись добровольцы, взявшие на себя надзор за ним, не стеснявшиеся при случае покопаться и в его корреспонденции. И если местное начальство вынуждено было терпеть Кнориньша до этого времени, то только потому, что свои обязанности учителя он выполнял безукоризненно, пользовался уважением жителей и к тому же не давал провинциальным шпикам никаких доказательств своей революционной работы.

Тем не менее оставаться в школе дальше Кнориньш не мог. В письме инспектору торговых школ Кришу Мелналксниесу он просил помочь ему перебраться в Ригу, чтобы учиться дальше. Конечно, о главной своей цели — стремлении быть в центре политической жизни, революционных событий, Вилли не упоминал.

Атмосфера слезки и травли над учителем с каждым днем сгущалась. Тем не менее Вилли Кнориньш продолжал работу. Пастору приносили газеты с его статьями, «серые бароны» всячески старались помешать его лекциям, демонстративно отворачивались при встрече. Но Вилли не терял присутствия духа. 3 марта 1913 года он писал своим друзьям: «Если до сих пор я был только сомнительным субъектом, то

теперь я уже совсем опасный. Теперь меня поставили в предводители всех «бешеных» и палят, палят своими деревянными пушками. Дым и шум есть. Но я до сих пор цел... Одним словом, все признаки показывают, что судный час близок. Но при всей этой шумихе я чувствую себя хорошо. Пусть бесятся, кому нравится беситься».

Вскоре с помощью Мелналксниса переезд Кнорина в Ригу был улажен и он распрощался со Страупе, с дорогими ему людьми — его учениками. Кнорин стал для каждого из них близким и родным, ибо щедро дарил им тепло своего сердца.

* * *

В Ригу Кноринш переехал в 1913 году, начал учительствовать в торговой школе, по вечерам читал лекции на общепросветительных курсах просветительного общества рабочих «Фаборемус». Не обрывал он и прежних своих связей. Особенно его заботила молодежь и бывшие ученики. Через Анну Риекстынь Кноринш руководил кружком самообразования сельской молодежи, снабжал его прогрессивными журналами и общественно-политической литературой.

В Риге Вилли Кноринш включился в работу IV партийного района, выступал с докладами в других крупных районах, стал членом кружка «Деглис», входившего в IV район рижской организации СДЛК. Вместе с Я. Берзином-Андерсоном, Р. Францисом, К. Дирикисом, Ю. Данишевским он активно работал в легальных обществах Риги, Вольмара, Добеле, Гроздоне, Рауны, Лиепая, Страупе. Это был период, когда большевики Латвии боролись против меньшевистского ЦК, оттягивавшего созыв съезда СДЛК. 10 ноября 1913 года собрание членов IV и V районов рижской организации СДЛК предложило Центральному Комитету незамедлительно созвать съезд или же сложить свои полномочия, так как ликвидаторская деятельность ЦК не может быть дальше терпима.

IV съезд СДЛК открылся 26 января 1914 года в Брюсселе. Его участники осудили ликвидаторов, из-

гнали меньшевиков из руководящих партийных органов, избрав в них большевиков. В то же время съезд показал, что ликвидаторские влияния еще довольно сильны в СДЛК, и призвал большевиков к решительной борьбе против этого течения. В. И. Ленин, принимавший участие в работе съезда, отмечал примиренческие тенденции, проявившиеся на съезде, и в то же время выражал горячую веру в здоровые силы латышских товарищей. «Ликвидаторы надеются,— писал В. И. Ленин,— что латыши еще сделают шаг назад — к ликвидаторству. Мы надеемся, что они сделают шаг вперед — к позиции русских марксистов»¹⁰.

Большевики Латвии, как и предвидел Владимир Ильич, сделали этот шаг. Они развернули решительную борьбу против меньшевиков и примиренцев, за объединение СДЛК с РСДРП(б). Инициатором немедленного объединения был IV район рижской и ряд других социал-демократических организаций Латвии.

Немалую лепту в объединение двух братских партий внес своей пропагандистской работой и Вилли Кнориньш. На заводах и фабриках Риги и других городов Латвии его звали как страстного поборника единства.

Революционное движение латышского пролетариата росло и ширилось. Число рабочих, участвовавших в забастовках, непрерывно увеличивалось. 9 августа 1914 года в Риге бастовало уже около 95 тысяч рабочих. Пролетариат Латвии вместе с рабочим классом России готовился к решительной схватке с царизмом.

Энергичную пропагандистскую работу в массах вел IV район рижской организации, являвшейся самой прочной опорой большевиков Латвии. В районе работало около двух десятков теоретических кружков. Функционировала коллегия пропагандистов, обслуживавшая не только партийную организацию Риги, но и некоторые сельские организации. Активным пропагандистом являлся и Вилли Кнориньш.

Участник революционной борьбы тех лет Эдуард Шурпе рассказывал, что в работе теоретического кружка, которым руководил партийный комитет Юрмальского подрайона II района Рижской организации СДЛК, активное участие в качестве докладчика принимал Вилли Кнориньш.

Члены СДЛК несли слово рабочей партии в массы, используя любую возможность. Вилли Кнориньш выступил в Страупе перед началом спектакля «Седьмая заповедь» Тура Хейерманиса. Его речь вызвала злобные нападки буржуазных газет, всячески извращавших суть выступления, открыто поносивших оратора.

Страстный оратор Вилли Кнориньш стал популярным среди рабочих Риги. Они с глубоким вниманием слушали его выступления.

Деятельное участие Вилли Кнориньш принимал и в работе Балтийского общества культуры, в котором выступал по вопросам литературы, о положении женщины, о законах общественного развития. В лекции по случаю второй годовщины со дня выхода газеты «Правда» Вилли Кнориньш говорил о значении рабочей печати, о необходимости добиться подлинной ее свободы. Лекция имела огромный успех. Через несколько дней Кнориньш выступил с ней перед рабочими общества «Лаборемус». И там его слушали с необычайным вниманием.

Активно работал Вилли Кнориньш и в Балтийском педагогическом обществе, созданном в январе 1914 года вместо закрытого властями Латвийского общества учителей.

Весной 1914 года В. Кнориньш вместе с К. Янелем, К. Ратниеком, А. Рускисом, Я. Перно принял участие в нелегальной конференции учителей в Сигулде, организованной видненским комитетом СДЛК. Там он выступил с докладом о задачах учителей в революционном движении.

В своей работе IV район рижской организации использовал и такую возможность для пропаганды революционных идей, как загородные прогулки рижан, праздники «Лиго», во время которых возникали многолюдные массовки, охраняемые рабочими. Активным участником таких массовок являлся и Вилли Кнориньш.

В деятельности членов СДЛК было немало трудностей. Для публичного выступления необходимо было получить разрешение полиции, предварительно сообщить тему, план, тезисы лекции. На лекции, как правило, присутствовал представитель властей, кото-

рый мог запретить выступление, если в нем звучало недозволенное властями слово.

Чтобы избежать запрета, Вилли Кнориньш и другие лекторы IV района рижской организации заменяли в своих выступлениях термин «марксистский» словом «общественный». Но рабочие быстро усвоили внутреннюю подоплеку таких выступлений и хорошо понимали их. Да и потом, в ответах на вопросы, Кнориньш говорил более прямо.

Лояльные по форме, острые по своему социальному содержанию были выступления Вилли Кнориньша на темы: «Литература и жизнь», «Новейшая латышская лирика», «Принципы общественной (марксистской) эстетики в новейшей латышской лирике», «Женщина в латышской литературе и жизни», «Законы общественного развития», «Творчество Я. Райниса и Аспазии». Они знакомили рабочих с идеями революционной социал-демократии, с социалистическими принципами переустройства общества, будили у рабочих боевую инициативу, вооружали их знанием целей и задач революции, приобщали к постоянной и неустанной борьбе за свои права, подготавливали к идейному восприятию марксизма, содействовали пополнению рядов СДПД сознательными и последовательными борцами.

Рижский период революционно-пропагандистской деятельности В. Г. Кнорина отмечен также чрезвычайно плодотворной работой в области литературной критики. За 1909—1914 годы ему удалось опубликовать около 100 рецензий и литературно-критических статей, в которых рассматривались произведения Я. Райниса, А. Упита, Аспазии, К. Скалбе, Я. Яунсудрабиня, А. Брукленайса, А. Курция, Салтыкова-Щедрина, Генриха Манна, Анатоля Франса и многих других.

Приветствуя в статье «Новая поэзия города» зарождение пролетарской поэзии Латвии, Вилли Кнориньш отмечал социальные корни ее появления, обосновал ее право на существование при всей робости ее первых шагов, ибо был убежден, что все преобразования нашей культуры произойдут через городской промышленный пролетариат. «Это, по мысли автора, будет новая жизнерадостная и жизнеспособная поэзия,

творцом которой является человек новой общественной формации»¹¹.

Латышский литературовед Э. П. Кнопс писала, что своей революционной и литературно-критической деятельностью В. Г. Кнорин способствовал утверждению марксистских принципов в латышской литературной критике дооктябрьского периода. Он освещал существенные проблемы эстетики, литературной теории и критики и настойчиво боролся за развитие прогрессивных и новаторских тенденций в латышской литературе.

В годы нового революционного подъема Кнорин внес большой вклад в дело просвещения и распространения среди рабочего класса Латвии идей марксизма-ленинизма. О напряженной, захватывающей деятельности этого периода в мае 1914 года он писал одному из друзей: «Не представляешь, как я это время работал. Не было ни минуты свободной, даже домой редкий вечер поехал раньше 12 ночи».

Им овладевают новые замыслы и планы, осуществлению которых помешала война.

Кнорин шел туда, куда посылала его партия. Как учитель он имел право на освобождение от военной службы, как большевик — видел свое место на переднем крае борьбы за массы, за революцию.

Перед отправкой на фронт Вильгельм приехал проститься с родителями.

— Как же так? — развел руками отец. — Ты говорил, что вы, социал-демократы, выступаете против войны, а сам идешь в армию?

— Чтобы победить, все мы, и рабочие, и крестьяне, и солдаты, должны объединиться, — разъяснял Вильгельм. — Только так мы сможем сбросить царя и тогда объявить войну войне. Я иду на фронт не для того, чтобы сражаться за царских сатрапов, а чтобы ежедневно, ежечасно раскрывать солдатам глаза на правду, готовить их на борьбу против самодержавия.

И вот Ивангородские казармы в Двинске (ныне Даугавпилс). 99-й Ивангородский полк, серые шеренги солдат. Военный чиновник ведет регистрацию мобилизованных. Он недоволен своим весьма скромным чином и этой будничной, так надоевшей ему работой, поэтому не прочь был поиздеваться над солдатами.

— Фамилия? — выкрикивал он, не поднимая от бумаги глаз.

— Кнориньш, — назвал свою фамилию по-латышски Вилли.

— Что за чертовщина? — заупрямился чиновник. — Напишем короче: «Кнорин».

— Кнориньш! — отчетливо произнес Вилли.

— Значит, возражений нет, — упрямо произнес чиновник. — Имя?

— Вильгельм.

— Это ж надо! самого кайзера тезка... По отчету как?

— Юрисович, — ответил, чуть сдержав гнев, Вилли, поправляя очки.

— Что еще за Юрисович?

— Отца моего зовут Юрис, — подтвердил Кнориньш.

— А у меня будешь Георгиевич, — категорически заключил чиновник. — Потому как Юрис это то же, что и Георгий, только по-русски.

Так и стал Вилли Кнориньш до конца своей жизни Кнориным Вильгельмом Георгиевичем. Так числился и в списках личного состава действующей армии, проходил по штабным бумагам.

В действующей армии

Первая мировая война была в полном разгаре. За главными противоборствующими сторонами были империалисты Германии, Австро-Венгрии и Италии, с одной стороны, Англии, Франции и России — с другой, столкнулись силы монополистического капитала в борьбе за новый передел мира. Господствующие классы воюющих стран скрыли от народов подлинные цели войны. В поддержку буржуазных правительств, развязавших войну, выступили почти все социал-демократические партии II Интернационала.

С разоблачением захватнического характера войны, продажной роли «оборонцев» выступили большевики во главе с В. И. Лениным. В манифесте «Война

и российская социал-демократия» и других работах В. И. Ленин глубоко проанализировал действительные цели мировой войны, вскрыл ее империалистический характер, изложил задачи пролетариата и его партии в новой обстановке.

Большевистские лозунги по насущным вопросам борьбы нашли широкое одобрение пролетариата России. Это проявилось в антивоенных митингах, демонстрациях и забастовках, в отказе призывников от мобилизации на фронт.

Антивоенные выступления состоялись во многих уездах и губерниях Белоруссии. Они были настолько сильными, что вынудили царское правительство объявить в Белоруссии военное положение. Такими мерами оно стремилось очистить прифронтовую полосу от неблагонадежных элементов.

Полиции и жандармам удалось разгромить партийные организации в Минске, Бресте, Гродно, Орше, Могилеве и других местах. Однако, несмотря на репрессии и террор, рабочие и крестьяне Белоруссии, особенно после поражения царских войск в летнем наступлении 1915 года, все решительнее выступали против самодержавия.

Отучившись на фронте, Кнорин установил контакты с товарищами по борьбе. Под Минском ему встретился Дя Аболинь, соратник по нелегальной работе в лигатнском кружке. Разговорились.

— Значит, решил на фронт? — спросил Аболинь.

— А как же иначе? — ответил Кнорин. — Ты же знаешь — товарищ Ленин еще в 1906 году говорил, что только общими усилиями рабочих масс, крестьян и лучшей части армии можно создать условия для победоносного восстания.

И Кнорин не жалел усилий для осуществления указаний партии. Он нес правду в солдатские массы, рассказывал о страшных жертвах и потерях России в войне, стремился объединить вокруг себя единомышленников. И хотя этому мешали частые передислокации, потери в боях верных товарищей, он не прекращал своей революционной деятельности.

Как-то по приказу своего командира Кнорин оказался в окопах стрелковой дивизии, под Барановичами. Настроение солдат было подавленным.

— Что, братки, носы повесили? — поинтересовался Кнорин. — Или ужин был нехороший?

— Что там ужин! — ответил солдат. — Вобла у нас, известно, царская. Приобвыкли. Кипяток имеется. Есть чем желудок перед атакой промыть...

Солдаты невесело засмеялись.

— Какая там атака! Одна винтовка на троих.

— Если вы еще можете шутить так после этого, то не один год придется еще в окопах воблу есть, — как бы между прочим сказал Кнорин. — Войну кончать надо...

— Ты, солдат, говори, но не очень-то громко, — предупредили Кнорина окопники. — Мы то смолчим, видим, ты и сам воблы поел немало, а вот командир у нас, что пес цепной, лютый. С вашим братом-агитатором как поступают — знаешь? Загремишь под трибунал.

Солдат говорил тихо. Остальные внимательно поглядывали на Кнорина.

— А я не боюсь, — усмехнулся Кнорин, поднимая от колючего ветра воротник шинели.

— Э-э, да ты не иначе большевик будешь, — подошел к Кнорину солдат, что жаловался на воблу. — У нас недавно был тут анархист один. Припугнули мы его для проверки, как вот тебя сейчас, так его будто ветром сдуло. А ты, вижу, не такой. Говори смело. Тут все свои.

— А чего мне бояться? — обвел взглядом собеседников Кнорин. — Обуты вы, как и я, в рваные сапоги, погоны у нас одинаковые. Угадали, большевик я...

Беседа в окопе длилась долго. Кнорин видел, как светлели лица солдат. Веселее становилось на душе и у Вильгельма.

И так всюду, где только была возможность, проводил Кнорин беседы, помогая рабочим и крестьянам, одетым в солдатские шинели, постигать азбуку борьбы против царизма и войны. Его работа содействовала созданию большевистских ячеек, восстановлению разгромленных партийных организаций, сплочению солдат.

В декабре 1914 года возобновил свою деятельность и установил связь с большевиками Петрограда Полесский Комитет РСДРП (б), возникли большевистские

ячейки на отдельных предприятиях Минска, Гомеля, Витебска, Орши, Лунинца, Несвижа.

В 1915 году в Минске активизировали деятельность социал-демократические группы. Партийные организации существовали в военных мастерских Полоцка, Сморгони, Борисова, Мира. Всего на Западном фронте насчитывалось, по неполным данным, более 30 партийных организаций. Они были немногочисленны, но работу вели постоянно, поддерживая связи друг с другом и с большевистскими организациями Москвы, Петрограда, Украины, Латвии. В. Г. Кнорин был связан с Ригой, через прибывших оттуда товарищей получал тактические установки о работе среди солдат, листовки и воззвания ЦК СДЛК. Определенную информацию давала и переписка с родными и близкими. Такая связь давала ему возможность ориентироваться в обстановке, подсказывала формы и методы ведения партийной работы.

В мае 1915 года В. Г. Кнорин был переведен в 50-й запасной батальон 32-го эвакуационного пункта. За время военной службы он побывал в Варшаве и других городах Польши, а также в Пинске, Гомеле, Шклове, Полоцке, Слуцке, Минске, Орше, Смоленске и других городах и губерниях России.

Частые передислокации давали возможность широко наблюдать окружающую обстановку, устанавливать связи. Ленинские указания о том, что задачей партии в настоящих условиях должна быть «всесторонняя, распространяющаяся и на войско и на театр военных действий, пропаганда социалистической революции и необходимости направить оружие не против своих братьев, наемных рабов других стран, а против реакционных и буржуазных правительств и партий всех стран»¹², определили действия В. Г. Кнорина на Западном фронте. Он установил связь с товарищами, которых знал по работе в СДЛК, вел живую революционную пропаганду среди солдат.

В начале 1916 года 32-й эвакуационный пункт передислоцировался в окрестности Минска, а затем был размещен в самом городе. Здесь В. Г. Кнорин включился в работу организации СДЛК.

В 32-ом эвакуационном пункте Кнорин создал большевистскую группу, в которую входили Н. Кри-

вошеин, Я. Перно, Я. Цируль, Пономарев и другие. Под руководством В. Г. Кнорина большевистская организация развернула агитацию и пропаганду. Солдатским массам разъяснялись антинародный характер войны, цели партии большевиков.

На Западном фронте В. Г. Кнорин сблизился с М. В. Фрунзе, работавшим под фамилией Михайлов во Всероссийском земском союзе, а также с С. Г. Могилевским, И. Е. Любимовым. Вместе с ними и другими большевиками В. Г. Кнорин развертывал политическую агитацию по завоеванию солдатских масс на сторону революции.

Созданные М. В. Фрунзе, К. И. Ландером, В. Г. Кнориным, И. Е. Любимовым, И. К. Ксенофоновым, С. Г. Могилевским и многими другими большевистские группы разоблачали захватнический характер войны, разъясняли массам лозунги партии, распространяли листовки и прокламации.

Под влиянием большевистской пропаганды росло недовольство солдат антинародной политикой царского правительства.

В. Г. Кнорин писал позже, что еще задолго до Февральской буржуазно-демократической революции у солдат-окопников сложилось тавское убеждение в необходимости перемен. Солдаты покидали окопы, игнорировали приказы главнокомандующего подавлять выступления своих сослуживцев против властей.

Назревание революционной ситуации ощущал всем сердцем и В. Г. Кнорин. Он радовался приближению новой бури, которая должна положить конец войне, избавить трудящиеся массы от угнетения и несправия.

В январе 1917 года В. Г. Кнорин был отпущен на побывку домой.

— Три недели! Вот это да! — радовался за друга Людвиг Петрович Резаусский. — Пожалуй, и в Вольмар съездить времени хватит.

— Вольмар может и подождать, — прервал Резаусского Ян Перно. — А вот в Петрограде непременно побывай. Надо встретиться с товарищами, рассказать о нашей работе, узнать, как у них дела.

Кнорин понимающе улыбнулся.

— А раз так, слушай дальше, — продолжал Пер-

но.— Вот тебе адрес и письмо. Загляни к моей Марии. Скажи, что жив, здоров... Привезешь, что она передаст.

Наказ товарищей Кнорин выполнил в точности. По пути в Латвию на четыре дня задержался в Петрограде. Так приятно было окунуться в бурный водоворот революционной борьбы рабочих Петрограда, набраться духовных сил.

Побывал Кнорин и у М. Я. Перно. Передача, о которой говорил Янис, была особенно ценной: литература по насущным вопросам революционной борьбы.

27 февраля 1917 года революционные рабочие Петрограда при поддержке солдат и матросов свергли царское самодержавие.

Весть о свержении царского самодержавия стала известна в Минске вечером 1 марта. В ночь на 2 марта М. В. Фрунзе, А. Ж. Б. Кнорин, К. И. Ландер, И. Я. Алибегов, С. Г. Могилевский, а также представители 3-й и 10-й армий Западного фронта собрались на экстренное совещание. Было решено мобилизовать все революционные силы для поддержки восставшего Петрограда и по примеру петроградцев приступить к организации в Минске Совета рабочих и солдатских депутатов.

Днем на многих предприятиях Минска состоялись собрания рабочих, на которых выступили М. В. Фрунзе, В. Г. Кнорин и другие представители большевиков, призвавшие рабочих к созданию Советов рабочих и солдатских депутатов.

На состоявшемся 3 марта втором совещании, созванном М. В. Фрунзе при участии В. Г. Кнорина, К. И. Ландера, С. Г. Могилевского, большевиков 3-й и 10-й армий Западного фронта, было решено провести 4 марта собрание большевиков Минска, а на заводах, фабриках, в мастерских начать выборы делегатов в Минский Совет.

Однако, учитывая, что в ночь с 3 на 4 марта проходило собрание представителей буржуазных и мелкобуржуазных партий, поставивших своей целью захват власти, собрание большевиков, не дожидаясь окончания выборов на заводах, фабриках и в мастерских, объявило об образовании Минского Совета

рабочих и солдатских депутатов, избрало временный исполнительный комитет.

6 марта большевики под руководством М. В. Фрунзе, В. Г. Кнорина, К. И. Ландера, И. Е. Любимова организовали демонстрацию. На состоявшемся митинге выступил Б. П. Позерн. От имени большевиков он призвал рабочих и солдат развернуть дальнейшую борьбу против контрреволюционных сил, тесно сплотиться вокруг Совета. Речь Б. П. Позерна привлекла симпатии солдат и рабочих, увидевших в Совете свершение своих надежд и чаяний. В. Г. Кнорин писал по этому поводу, что Минский Совет «нарушил мирные иллюзии обывательской «революционности» и дал некоторую перспективу присутствующим на демонстрации революционным рабочим и солдатам»¹³.

Вечером 6 марта, после демонстрации, на улице Юрьевской, в доме № 2 (теперь Коммунистическая), состоялось первое собрание солдатских депутатов и представителей Временного исполнительного комитета Минского Совета. Председателем 32-го эвакуационного пункта на собрании был В. Г. Кнорин.

На собрание явились и представители офицеров ряда частей фронта. От их имени поручик Станкевич, ярый противник создания единого Совета рабочих и солдатских депутатов, категорически возражал против вовлечения солдат в революционную борьбу.

— Солдат, — говорил он, — единица особенная. Его нельзя втягивать в политику. Это разложит армию, сделает ее небоеспособной...

Но крики, свист, стук прикладов заглушили его голос.

На трибуну поднялся Кнорин. Он не скрывал своего негодования речью предыдущего оратора.

— Другой цели, кроме единства с рабочими и крестьянами, у солдат быть не может, — зазвучал в притихшем зале его голос. — Почему? Да потому что большинство из нас те же рабочие и крестьяне, которым господа капиталисты и помещики вместо сермяжки накинули на плечи вот эти серые шинели.

По залу прокатился гул одобрения.

— Правильно! — кричали с мест.

— Вот и выходит, — продолжал Кнорин, — что объединяться нам нужно не с господами, а со своими

же братьями рабочими, ибо только в единстве с ними мы будем и сильны и боеспособны.

Собрание одобрило создание объединенного Совета рабочих и солдатских депутатов.

На первом своем заседании 8 марта Минский Совет определил стоящие перед ним задачи и избрал постоянный исполком. Из 22 его членов 13 были большевики. В числе их — М. В. Фрунзе, И. Е. Любимов, В. Г. Кнорин, К. И. Ландер, С. Г. Могилевский, В. В. Фомин и другие.

В свете ленинских предначертаний большевики Белоруссии развернули агитационную работу среди солдат. По инициативе М. В. Фрунзе Совет решил провести 1-й фронтовой съезд в Минске с 7 по 17 апреля 1917 года.

В работе съезда приняли участие представители Временного правительства, посланные для поднятия «боевого духа» солдат. Они пытались не допустить рассмотрения на съезде таких злободневных проблем, вынесенных на повестку дня представителями ЦК РСДРП (б) А. Е. Бадаевым, В. П. Ногиним и делегатами-большевиками М. В. Фрунзе, А. Ф. Мясниковым, В. Г. Кнориным, как вопросы о войне и мире, рабочих и крестьянских организациях, правовом и материальном положении солдат и другие.

Председательствовал на съезде Б. П. Позерн.

Большевики в своих выступлениях разоблачали империалистический характер войны, призывали солдат бороться за демократический мир.

Под влиянием большевиков съезд потребовал введения 8-часового рабочего дня на предприятиях, улучшения экономического положения рабочего класса, немедленной организации Советов крестьянских депутатов, Советов сельскохозяйственных рабочих.

В. Г. Кнорин, принимавший участие в работе съезда, писал, что большевики, несмотря на свою малочисленность на съезде, получили крупный политический выигрыш. Прямота и ясность их лозунгов, близких солдатской массе, оказывали огромное революционизирующее воздействие.

Задачи повседневного руководства массами, все активнее вовлекавшимися в политическую жизнь, обязывали большевиков объединить раздробленные и

распыленные силы в сплоченные организации, восстановить партийные комитеты. Однако на этом пути руководители большевиков Минска встретились с рядом трудностей.

Меньшевики и польские интернационалисты обратились 7 марта к местным революционным силам с воззванием об образовании объединенной социал-демократической организации.

Большевистская инициативная группа во главе с М. В. Фрунзе, В. Г. Кнориным, К. И. Ландером и другими предлагала создать свою самостоятельную организацию, стоящую по вопросам войны и мира на ленинских позициях. 9 марта состоялось общее собрание, на котором большевистская левая группа отстаивала ленинскую платформу, стремилась создать свою обособленную от меньшевиков организацию. Но выступление этой группы, вспоминал позже В. Г. Кнорин, не было поддержано, при голосовании ее резолюция получила всего лишь 13 голосов. Против объединения с меньшевиками голосовал и В. Г. Кнорин.

За резолюцию согласителей голосовало 178 человек. В. Г. Кнорин отмечал, что только незначительная часть большевиков, появившихся в Минск в период войны, упорно стремилась к ясности, добивалась создания самостоятельной организации, но не смогла осуществить своих намерений¹⁴.

Вхождение в «объединенку» было как раз той ошибочной линией, которая шла вразрез с решением Пражской конференции РСДРП(б). Узнав о фактах, свидетельствующих о стремлении некоторой части большевиков объединиться с меньшевиками, В. И. Ленин писал: «Самостоятельность и особность нашей партии, *никакого сближения с другими партиями* — для меня ультимативны. Без этого помогать пролетариату идти через *демократический* переворот к *коммуне* нельзя, а другим целям служить я не стал бы»¹⁵.

М. В. Фрунзе, В. Г. Кнорин, С. Г. Могилевский, И. Г. Дмитриев, И. Е. Любимов, оставшись на принципиальных большевистских позициях, стремились все вопросы решать самостоятельно, день за днем разрушая «объединенку» и подготавливая создание самостоятельной большевистской организации.

Огромную помощь большевикам Белоруссии в тот период оказывал ЦК РСДРП(б). В Минск направлялись лучшие кадры пропагандистских работников, партийная литература, денежные средства. Эта помощь явилась основой успеха большевиков Белоруссии в завоевании на свою сторону трудящихся масс.

19—22 апреля 1917 года В. Г. Кнорин, как представитель минской большевистской группы Социал-демократии Латышского края, участвовал в работе XIII конференции СДЛК, проходившей в Москве. В своем выступлении он рассказал о работе минской группы СДЛК среди солдат Западного фронта, высказался за тесное единение Латвии с Россией. Здесь, в тесном кругу товарищей по борьбе, он узнал об Апрельских тезисах В. И. Ленина и, возвратившись в Минск, способствовал их распространению среди большевистских организаций Западного фронта.

Апрельские тезисы, ряд других работ В. И. Ленина сыграли огромную роль в борьбе большевиков против объединительных тенденций, в разъяснении массам перспектив революции.

Ленинские указания «быть твердым, как камень, в пролетарской линии против мелкобуржуазных колебаний», «влиять на массы убеждением, разъяснением», «противиться к краху и революции в 1000 раз сильнее февральской»¹⁶ явились для большевиков Белоруссии программой действий. В результате на майских выборах им удалось провести в Совет большую группу своих депутатов, преимущественно от воинских частей. «Это обстоятельство дало возможность Совету второго состава,— вспоминал В. Г. Кнорин,— стать революционным центром для фронта и организатором партии к Октябрьской революции»¹⁷. Председателем Минского Совета был избран Б. П. Позерн, секретарем — В. Г. Кнорин.

Минский Совет превратился в боевой штаб по подготовке к социалистической революции. В здании Совета большевики устраивали собрания по вопросам войны и мира, разъясняли необходимость разрыва с «объединенкой».

1 июня 1917 года на очередном таком собрании большевики Минска заявили, что они организуются самостоятельно для проведения своей политической

линии. На собрании был избран временный комитет новой организации. 27 и 30 июня на городских собраниях объединенной организации большевики нанесли соглашателям сокрушительный удар. Предложенная большевиками резолюция, в разработке которой принимал участие В. Г. Кнорин, разоблачала политику Временного правительства, требовала немедленной передачи земли крестьянам, всей власти — Советам рабочих и солдатских депутатов. Меньшевики голосовали против этой резолюции, окончательно разоблачив себя перед трудящимися массами и солдатами фронта.

После выхода большевиков из «объединенки» соглашательская организация развалилась.

Большевики сформировали свою независимую организацию, избрали ее постоянный руководящий орган — Минский комитет РСДРП(б) во главе с А. Ф. Мясниковым, членом партии с 1906 года, самым авторитетным среди большевиков Минска. В состав комитета был избран и В. Г. Кнорин.

После размежевания с «объединенкой» Минский комитет РСДРП(б) приступил к созданию большевистских ячеек в частях гарнизона, на фабриках, в мастерских, упрочивал свое влияние в солдатских массах, усилил агитацию через газету «Известия Минского Совета», которая благодаря Мясникову и Кнорину все больше обретала большевистскую направленность.

Как секретарь Минского Совета В. Г. Кнорин держал повседневную и непосредственную связь с солдатами, которые шли в Совет за решением насущных вопросов жизни и борьбы. В. Г. Кнорин хорошо понимал место и роль солдат Западного фронта в борьбе за власть рабочих и крестьян, поэтому прилагал все усилия для их организации, разъяснял лозунги партии, цели ее борьбы.

В июне 1917 года большевистская фракция фронтового комитета в Минске организовала месячные курсы солдатских агитаторов, на которых обучалось более тысячи солдат. Курсанты прослушали лекций по истории революционного движения, злободневным вопросам того времени. Бывший слушатель этих курсов Д. И. Ефретов вспоминал, что в работе по политическому просвещению солдат активное участие

принимали М. В. Фрунзе, А. Ф. Мясников, В. Г. Кнорин. Они читали лекции, душевно беседовали с солдатами, выясняя их настроение просто, в исключительно доходчивой форме излагали цели и ближайшие задачи нашей партии, давали советы, каким образом претворять эти задачи в жизнь.

Курсы оказывали огромное революционизирующее влияние на солдат. «Возвращаясь на фронт,— писал В. Г. Кнорин,— слушатели курсов составляли первую большевистскую группу агитаторов, которая объединяла вокруг партии солдатские и рабочие массы»¹⁸.

10 июня 1917 года Минский Совет большинством голосов принял резолюцию против наступления на фронте, подготавливаемого Временным правительством. Минский комитет РСДРП(б) направил в войска своих агитаторов для разъяснения солдатам авантюры Керенского, провел митинг трудящихся и демонстрацию протеста, призвал массы теснее сплотиться вокруг партии большевиков.

Предпринятое Керенским наступление на фронте и его провал стоили русской армии огромных жертв. Это вызвало всенародное возмущение. 3—4 июля 1917 года рабочие Петрограда, солдаты гарнизона вышли на демонстрацию с требованием передачи всей власти Советам. Временное правительство бросило против демонстрантов войска. Начались массовые репрессии, разоружение верных большевикам частей, была разгромлена большевистская типография, запрещена газета «Правда». Временное правительство издало указ об аресте В. И. Ленина. Волна арестов прокатилась и в Белоруссии. Только в Минске были арестованы и заключены в тюрьму тысячи рабочих и солдат. В ответ на репрессии Минский комитет РСДРП(б) призвал трудящихся еще теснее сплотиться вокруг большевистского знамени, вооружиться выдержкой и самообладанием, не поддаваться на провокации, готовиться к решительной битве. Были предприняты также меры по развертыванию большевистской агитации на фронте, распространению листовок, изданию своей газеты.

Большую помощь большевикам Западного фронта в подготовке издания газеты оказал ЦК РСДРП(б). Он выделил 2 тысячи рублей. Значительную сумму

денег собрали и солдаты, жертвовавшие своей газете последние копейки.

Не один день потратили Мясников и Кнорин в поисках типографии. Всюду их встречали приветливо, но как только разговор заходил о деле, владельцы типографий старались поскорее избавиться от посетителей.

В. Г. Кнорин позднее в статье, подписанной «Проприум», писал, что прообразом, крестной матерью «Звезды» была большевистская питерская «Звезда», первый номер которой вышел при участии В. И. Ленина и с которой начинается история рабочей печати.

Редакторами «Звезды» стали А. Ф. Мясников, К. И. Ландер, В. В. Фомин. Ее сотрудниками — В. Г. Кнорин, И. Е. Любимов, В. А. Невский, Г. Ф. Устинов и другие.

Активный участник Октябрьской революции Л. И. Стронгин в своих воспоминаниях подчеркивал исключительную преданность и страстность В. Г. Кнорина и других сотрудников «Звезды», благодаря которым газета стала доходить непосредственно к рабочим и крестьянам.

В. Г. Кнорин возглавлял в редакции отдел внутреннего и зарубежного обозрения, почти ежедневно выступал со статьями по насущным вопросам борьбы и партийного строительства.

Большие заслуги В. Г. Кнорина в издании «Звезды» отмечал бывший сотрудник газеты Б. Белогорский.

А. Ф. Мясников, М. В. Фрунзе, В. Г. Кнорин, В. В. Фомин превратили «Звезду» в газету, которая делалась самими массами. Редакция ежедневно получала сотни писем. Она стала самой популярной газетой на Западном фронте. «На редакции, — отмечал В. Г. Кнорин, — лежала задача только обработать присланные письма, только давать лозунги, только давать направление. Все остальное делали массы»¹⁹. Для сотрудников «Звезды», в том числе и для В. Г. Кнорина, образцом для подражания была газета «Правда».

В. Г. Кнорин неоднократно подчеркивал, что именно у «Правды» он учился прямо, без обиняков, ставить перед массами жгучие вопросы.

Политическая ситуация, сложившаяся в стране после июльских событий, требовала от партии большевиков новой тактики. Ее выработал VI съезд партии. Съезд поставил на повестку дня ликвидацию диктатуры контрреволюционной буржуазии, провозгласил курс на вооруженное восстание.

Большевики Белоруссии активно выполняли решения съезда. В статьях «Звезды», а также в устных выступлениях на фабриках, в железнодорожных мастерских, в частях гарнизона И. Я. Алибегов, В. Г. Кнорин, Н. И. Кривошеин, В. В. Фомин и другие выдающиеся ораторы-большевики, пользующиеся большой популярностью в Белоруссии и на Западном фронте, разъясняли новую тактику партии, призывали готовиться к вооруженному восстанию.

Обстановка требовала организационного объединения партийных сил Белоруссии и Западного фронта. Осуществление этой важной задачи взял на себя Минский комитет РСДРП(б). Однако последовавшие вскоре события не дали завершить начатую работу.

В середине августа 1917 года в Москве Временное правительство созвало Государственное совещание с участием фабрикантов, кушцов, помещиков. Совещание проводилось с явно контрреволюционными целями.

Большевики Белоруссии, руководствуясь указаниями В. И. Ленина, усилили разоблачение реакционных замыслов Временного правительства. «Звезда» опубликовала передовую статью «Совещание с живыми покойниками», которая вскрывала подлинные цели буржуазного сборища.

Фракция большевиков в Минском Совете потребовала разгона контрреволюционного совещания. Резолюции с протестами против заговора буржуазии были приняты на целом ряде предприятий Белоруссии.

25 августа из Могилева, якобы для оказания помощи Петрограду, выступил 3-й конный корпус во главе с генералом Корниловым. Сговор Временного правительства с корниловцами был несомненным. Партия большевиков призвала рабочих и солдат дать вооруженный отпор силам контрреволюции. В осуществлении этой задачи важная роль отводилась большевикам Белоруссии.

В разгар корниловского мятежа большевики Минска по примеру петроградских рабочих начали создавать отряды Красной гвардии и боевые рабочие дружины. «Это была первая попытка собрать вокруг Совета вооруженную силу,— отмечал В. Г. Кнорин,— и эта попытка имела громадные последствия. Она приучила гарнизон, и даже части фронта, слушаться Совета и защищать этот Совет»²⁰.

В Минске был создан штаб революционных войск по борьбе с корниловщиной, а также временный Революционный комитет Западного фронта, которые взяли под свой контроль важнейшие учреждения и железную дорогу. После работы до поздней ночи на пустыре за городом учились военному делу около 400 рабочих. Как имеющий опыт военной службы, Кнорин наряду с другими видными большевиками непосредственно занимался обучением вооруженных формирований. Солдатские комитеты делали все, чтобы в эти соединения попали люди надежные, верные делу большевиков.

Кнорина часто можно было видеть среди железнодорожников, на заводах и в мастерских. На собрании железнодорожников он говорил:

— Контрреволюция стягивает войска к Петрограду, хочет ~~задушить~~ ~~революцию~~. Сегодня здесь, в Минске, также решается ее судьба. Каждый пропущенный эшелон — это штыковая рана петроградскому пролетариату.

Железнодорожники заверяли Кнорина, что никогда не были и в этот критический момент не будут убийцами своих петроградских товарищей. Костями лягут, а не пропустят составы корниловцев.

Против корниловского мятежа выступили и солдаты 32-го эвакуационного пункта, которые после доклада В. Г. Кнорина заявили о своей поддержке большевиков и потребовали передачи всей власти Советам рабочих, солдатских и крестьянских депутатов.

В период корниловщины Минский Совет созвал несколько общих собраний войсковых комитетов частей, которые дислоцировались в окрестностях Минска. В. Г. Кнорин, К. И. Ландер, И. Я. Алибегов и другие руководители Минского Совета и комитета

Политическая ситуация, сложившаяся в стране после июльских событий, требовала от партии большевиков новой тактики. Ее выработал VI съезд партии. Съезд поставил на повестку дня ликвидацию диктатуры контрреволюционной буржуазии, провозгласил курс на вооруженное восстание.

Большевики Белоруссии активно выполняли решения съезда. В статьях «Звезды», а также в устных выступлениях на фабриках, в железнодорожных мастерских, в частях гарнизона И. Я. Алибегов, В. Г. Кнорин, Н. И. Кривошеин, В. В. Фомин и другие выдающиеся ораторы-большевики, пользующиеся большой популярностью в Белоруссии и на Западном фронте, разъясняли новую тактику партии, призывали готовиться к вооруженному восстанию.

Обстановка требовала организационного объединения партийных сил Белоруссии и Западного фронта. Осуществление этой важной задачи взял на себя Минский комитет РСДРП(б). Однако последовавшие вскоре события не дали завершить начатую работу.

В середине августа 1917 года в Москве Временное правительство созвало Государственное совещание с участием фабрикантов, купцов, помещиков. Совещание проводилось с явно контрреволюционными целями.

Большевики Белоруссии, руководствуясь указаниями В. И. Ленина, усилили разоблачение реакционных замыслов Временного правительства. «Звезда» опубликовала передовую статью «Совещание с живыми покойниками», которая вскрывала подлинные цели буржуазного сборища.

Фракция большевиков в Минском Совете потребовала разгона контрреволюционного совещания. Резолюции с протестами против заговора буржуазии были приняты на целом ряде предприятий Белоруссии.

25 августа из Могилева, якобы для оказания помощи Петрограду, выступил 3-й конный корпус во главе с генералом Корниловым. Сговор Временного правительства с корниловцами был несомненным. Партия большевиков призвала рабочих и солдат дать вооруженный отпор силам контрреволюции. В осуществлении этой задачи важная роль отводилась большевикам Белоруссии.

В разгар корниловского мятежа большевики Минска по примеру петроградских рабочих начали создавать отряды Красной гвардии и боевые рабочие дружины. «Это была первая попытка собрать вокруг Совета вооруженную силу, — отмечал В. Г. Кнорин, — и эта попытка имела громадные последствия. Она приучила гарнизон, и даже части фронта, слушаться Совета и защищать этот Совет»²⁰.

В Минске был создан штаб революционных войск по борьбе с корниловщиной, а также временный Революционный комитет Западного фронта, которые взяли под свой контроль важнейшие учреждения и железную дорогу. После работы до поздней ночи на пустыре за городом учились военному делу около 400 рабочих. Как имеющий опыт военной службы, Кнорин наряду с другими видными большевиками непосредственно занимался обучением вооруженных формирований. Солдатские комитеты делали все, чтобы в эти соединения попали люди надежные, верные делу большевиков.

Кнорина часто можно было видеть среди железнодорожников, на заводах и в мастерских. На собрании железнодорожников он говорил:

— Контрреволюция стягивает войска к Петрограду, хочет задушить революцию. Сегодня здесь, в Минске, также решается ее судьба. Каждый пропущенный эшелон — это штыковая рана петроградскому пролетариату.

Железнодорожники заверяли Кнорина, что никогда не были и в этот критический момент не будут убийцами своих петроградских товарищей. Костями лягут, а не пропустят составы корниловцев.

Против корниловского мятежа выступили и солдаты 32-го эвакуационного пункта, которые после доклада В. Г. Кнорина заявили о своей поддержке большевиков и потребовали передачи всей власти Советам рабочих, солдатских и крестьянских депутатов.

В период корниловщины Минский Совет созвал несколько общих собраний войсковых комитетов частей, которые дислоцировались в окрестностях Минска. В. Г. Кнорин, К. И. Ландер, И. Я. Алибегов и другие руководители Минского Совета и комитета

партии разъясняли солдатам сущность корниловского мятежа, разоблачали политику Временного правительства.

Чтобы держать солдат в курсе событий, большевики решили созывать такие собрания периодически. Очередное из них назначалось на 17 августа. Но штаб Западного фронта запретил Минскому Совету его проведение. Однако А. Ф. Мясников, В. Г. Кнорин не подчинились приказу штаба. Тогда штаб ввел в помещение театра, где намечалось собрание, верных ему солдат, приказав им ни в коем случае никого в здание не пускать. 18 августа секретарь Минского Совета В. Г. Кнорин довел до сведения Московского Совета рабочих депутатов факт вмешательства штаба Западного фронта в деятельность и дела Совета. Он отмечал, что это вмешательство является недопустимым нарушением революционной демократии, и заверил, что Минский Совет в нужный момент, опираясь на рабочих и солдат, сможет дать надлежащий отпор врагам свободы и революции.

5 сентября на заседании Минского Совета с осуждением корниловского мятежа выступил М. В. Фрунзе. От имени большевиков он потребовал принятия решительных мер против руководителей мятежа, призвал готовиться к решительным действиям.

И все же буржуазия еще тешила себя надеждами на благоприятный для нее исход событий. Но усилиями рабочих и революционных солдат, руководимых большевиками, корниловский мятеж был подавлен. Его разгром продемонстрировал готовность народных масс к решительным действиям против Временного правительства.

Большую роль в подготовке социалистической революции сыграла I Северо-Западная областная конференция РСДРП(б), проходившая в Минске 15—18 сентября 1917 года. Конференция завершила оформление областной партийной организации в Белоруссии и создание единого руководящего партийного центра.

По решению конференции вместо закрытой Временным правительством газеты «Звезда» органом Северо-Западного областного комитета РСДРП(б) стала газета «Молот». Редактором ее стал В. Г. Кно-

рин. Он не только редактировал газету, но и активно выступал на ее страницах со статьями, в которых разоблачал соглашательские лозунги меньшевиков и эсеров, формировал у рабочих и солдат революционное сознание.

Но и эта газета большевиков вскоре была запрещена Временным правительством.

В начале сентября большевистская фракция Совета внесла предложение о переизбрании Совета. На перевыборах большевики одержали победу. В Совет прошли 184 большевика. Полностью большевистским стал и президиум Совета. Секретарем Совета и заместителем его председателя был избран В. Г. Кнорин.

5—7 октября в Минске собралась II Чрезвычайная Северо-Западная областная конференция РСДРП(б). «Это был период работы,— писал В. Г. Кнорин,— когда партия уже начинает вступать в открытую борьбу с контрреволюцией, когда ее боится, когда она получает особую популярность среди масс».

Конференция обсудила доклад областного бюро о перевыборах в Совет, о созыве II Всероссийского съезда Советов, о тактике партии, об Урядительном собрании, пересмотре программы и другие насущные вопросы, избрала областной комитет партии, в состав которого вместе с А. Ф. Масниковым вошел и В. Г. Кнорин. Он же был утвержден одним из редакторов нового партийного органа — газеты «Буревестник», созданного вместо закрытого Временным правительством «Молота».

Статьи В. Г. Кнорина в «Буревестнике» — «День Советов», «Наша рабочая политика» и другие — призывали рабочих и солдат выступить с требованиями созыва II Всероссийского съезда Советов, передачи власти Советам.

Все лучшие силы пропагандистов и агитаторов, в том числе и сотрудники «Буревестника», были нацелены на подготовку к вооруженному восстанию. В редакции В. Г. Кнорин появлялся только поздним вечером, просматривал гранки, писал передовую статью. Фактов для нее было предостаточно. Их давали сама жизнь, общение с массами.

Сразу же после окончания работы II Северо-За-

падной областной конференции В. Г. Кнорин выехал в Петроград, посетил ЦК РСДРП(б) и проинформировал его о ходе и решениях конференции, о положении на Западном фронте и подготовке к вооруженному восстанию. На обратном пути 9 октября 1917 года он на несколько часов заглянул домой в Лигатне.

10 октября воинским эшелонам В. Г. Кнорин возвратился в Минск. По дороге со станции Валк он написал редактору газеты «Латышский стрелок» Я. Судрабалну: «Дорогой товарищ! Охотно завернул бы к Вам, не была бы такая сумасшедшая спешка. Снова избран в президиум Совета и мое присутствие необходимо в Минске. С социалистическим приветом Ваш В. Кнорин».

Соглашательские партии, чувствуя, как у них почва уходит из-под ног, как массы все больше склоняются к большевикам, всячески сопротивлялись созыву съезда Советов, прибегали к провокациям, пытались вызвать пролетариат на преждевременное выступление.

Против съезда Советов был настроен и фронтовой комитет, в котором оказалась значительная группа сторонников Временного правительства. К Минску стягивались контрреволюционные войска, предпринимались попытки вывести из города полки, которые поддерживали большевиков.

10 октября ЦК РСДРП(б) заслушал доклад Я. М. Свердлова о положении на Западном фронте. В основу доклада была положена информация В. Г. Кнорина, которую он передал во время своего посещения Петрограда.

Для оказания помощи большевикам Белоруссии и революционным частям Западного фронта ЦК РСДРП(б) направил 76 агитаторов. Они активно включились в идейную подготовку масс к восстанию. А. Ф. Мясников, В. Г. Кнорин приняли самое деятельное участие в организации отрядов Красной гвардии, в снабжении их оружием, вели постоянную работу в воинских частях, отвоевывая у буржуазии все новые и новые силы для грядущего восстания. Переборы ротных, полковых, дивизионных и армейских комитетов обеспечили перевес в них большевиков. Еще и еще раз А. Ф. Мясников, В. Г. Кнорин,

К. И. Ландер проверяли готовность рабочих отрядов, воинских формирований.

На заседании областного комитета партии В. Г. Кнорин рассказал, что посетившие его делегаты гренадерского полка сообщили о том, что солдаты сами переизбрали свой полковой комитет, в новый состав ввели только большевиков. Но уповать на легкий исход борьбы не следует. Есть ряд товарищей, говорил В. Г. Кнорин, которые считают нашу подготовку излишней. Полагают, что вопрос о власти будет решен II Всероссийским съездом Советов. Такие настроения сбивают с толку людей. Так все дело погубить можно. А ведь никто пролетариату власть просто так не отдаст, на тарелочке не поднесет. Власть нужно брать вооруженным путем, решительно, навсегда. Иначе опять пойдем по Владимирке кандалами звенеть...

Вскоре на страницах «Буревестника» появился цикл статей В. Г. Кнорина, в которых доходчиво, ясно излагались пути завоевания власти пролетариатом, подвергались бескомпромиссной критике взгляды тех, кто находился в плену мирных иллюзий.

Убедительная аргументация, трезвый анализ обстановки, данный В. Г. Кнориным, оказали благотворное воздействие на колеблющихся, многие из которых становились на сторону большевиков.

Исключительное значение для подготовки трудящихся масс Белоруссии и солдат Западного фронта к восстанию имели работы В. И. Ленина «Кризис назрел», «Письмо к товарищам», которые публиковались в «Буревестнике». Ленинские слова «промедление в восстании смерти подобно» звали большевиков на решительные действия. Когда «Буревестник» 22—25 октября перепечатывал эти огнем и порохом дышащие строки, то каждый знал, что дело начинается, что завтра — на баррикады, что уже не нужно ждать другого боевого сигнала. Сигнал дан признанным вождем русской революции ²¹.

Восстание началось в Петрограде 24 октября (6 ноября). К утру следующего дня были заняты все правительственные учреждения города. 25 октября (7 ноября) Военно-революционный комитет опубликовал написанное В. И. Лениным воззвание «К гражд-

данами России», в котором сообщалось о победе социалистической революции.

Утром 25 октября, в день открытия II Всероссийского съезда Советов, «Буревестник» вышел с воззванием, написанным В. Г. Кнориным. В нем говорилось: «Нам нужно кончать грабительскую войну, предложив демократический мир! Нам нужно отменить помещичье право на землю, передать всю землю без выкупа крестьянским комитетам! Нам нужно уничтожить голод, победить разруху и поставить рабочий контроль над производством и распределением! Нам нужно дать всем народам России право свободного устройства своей жизни... Поэтому наше первое требование: «Вся власть Советам!»

А днем 7 ноября (25 октября) Минский Совет получил телеграмму Петроградского Военно-революционного комитета о свержении Временного правительства.

Сто дней Советской власти в Белоруссии

Получив известие о победе революции в Петрограде, А. Ф. Мясников, В. Г. Кнорин, К. И. Ландер от имени президиума исполкома Минского Совета издали приказ № 1 о переходе власти в Минске в руки Совета рабочих и солдатских депутатов. Под руководством Л. И. Стронгина рабочие-печатники к 14 часам напечатали и распространили его по всему городу. Из минской тюрьмы и гауптвахт было освобождено около трех тысяч политических заключенных, которые, вооружившись винтовками и пулеметами, сформировали 1-й революционный имени Минского Совета полк.

Под вечер 25 октября руководящие работники Совета были направлены в качестве комиссаров в важнейшие учреждения города: на почту, телеграф, радиостанцию, вокзал, установили там караулы 1-го революционного имени Минского Совета полка.

27 октября при Минском Совете был создан Во-

енно-революционный комитет, в который вошли А. Ф. Мясников, В. Г. Кнорин, К. И. Ландер, В. Н. Фрейман и другие. Военно-революционный комитет направил все усилия на оказание помощи восставшим рабочим и солдатам Петрограда и Москвы, на укрепление Советской власти в Минске и на всей территории Белоруссии.

В. Г. Кнорин и другие члены ВРК разъясняли массам значение победы Октябрьской революции, мобилизовали рабочих на поддержание порядка в городе, пополнили только что образовавшуюся милицию представителями рабочего класса, призвали рабочие профсоюзы бороться за национализацию производства, налаживание его работы, введение 8-часового рабочего дня.

— Если эти меры, предлагаемые Минским Советом в июле — августе, были отвергнуты соглашательскими партиями, — говорил на митинге рабочих В. Г. Кнорин, — то теперь, когда власть полностью перешла в руки Советов, надо заговорить с капиталистами самым решительным языком.

В первые дни восстания командование Западного фронта признало Советскую власть и приняло присланных новым правительством комиссаров. Засвидетельствовало свое признание Совета и командование 2-й кавказской кавалерийской дивизии, дислоцировавшейся под Минском.

На основании этих заявлений исполком Минского Совета предписал всем частям фронта и минского гарнизона исполнять приказы военного командования, так как политическая деятельность штабов контролируется уполномоченными Совета.

Однако, признав на словах Советскую власть, командование Западного фронта на деле принялось спешно сколачивать силы для контрреволюционного удара. Ядром, вокруг которого группировалась контрреволюция, стали фронтовой комитет и штаб фронта, находившиеся под влиянием эсеров и меньшевиков. Они решительно высказались против поддержки восстания. Ночью с 26 на 27 октября контрреволюционеры обманным путем сняли караулы минского гарнизона, захватив 30 пулеметов. Чтобы не оказаться в кольце вражеского окружения, областной комитет

партии прервал свое заседание и перешел из здания Совета на конспиративную квартиру, где вместе с президентом Минского Совета, Военно-революционным комитетом Западного фронта продолжил обсуждение создавшегося положения.

А оно было серьезным. Опираясь на превосходящие силы, контрреволюционеры во главе со ставленником Временного правительства Ждановым образовали так называемый «комитет спасения революции», который предъявил Минскому Совету ультиматум с требованием передать ему всю полноту власти. В ответ некоторые члены Минского Совета предлагали арестовать «комитет спасения».

— Это неправильно, товарищи, — возразил Кнорин на заседании Совета. — Контрреволюция сосредоточила против нас до 20 тысяч штыков. У нее пушки, пулеметы. Конечно, наши силы неизмеримо большие, за нас фронт. Но здесь в нашем распоряжении лишь 1-й революционный имени Минского Совета полк, отряды Красной гвардии, несколько зенитных батарей и незначительная часть артиллерии. Бой при таком соотношении сил поставит под угрозу завоевания революции в Минске.

— Так что вы предлагаете, товарищ Кнорин? — спросил Я. Ф. Черно. — Может, принять ультиматум?

— Нет, этого я не предлагаю, — прервал его Кнорин. — Но считаю необходимым пойти на переговоры со штабом, чтобы выиграть время, собраться с силами...

— Предложение Вильгельма Георгиевича дельное, товарищи, — вступил в разговор Мясников. — Маневр нам необходим сегодня как никогда. Не надо забывать, что наша первейшая задача ныне — помочь Петрограду и Москве, не пропустить ни одного эшелона, идущего на подавление Советской власти. Поэтому надо максимально затягивать переговоры, чтобы тем временем вызвать помощь с фронта.

В городе обстановка накалилась до предела. На Соборной (теперь площадь Свободы) разместились казаки, по улицам разъезжали караулы Текинского полка. Эсеры успели отпечатать и расклеить свои листовки.

В этот критический момент к казакам обратились

В. Г. Кнорин и А. Ф. Мясников. Они объясняли, что казаки обмануты контрреволюционерами и выступают против своих же братьев по классу. Казаков убедили вернуться в казармы.

После этого А. Ф. Мясников, В. Г. Кнорин, К. И. Ландер направились на переговоры с «комитетом спасения».

В ходе длительных дебатов они добились такого соглашения, по которому «комитет спасения» обязывался не посылать войска в Петроград и Москву, признавал амнистию политзаключенным и не разоружал их. Со своей стороны Минский Совет обещал временно передать «комитету» власть и послать в него своих представителей.

Принятое большевиками Минска решение о компромиссе дало возможность не допустить посылки контрреволюционных войск на Петроград и Москву, выиграть время для перегруппировки своих сил.

В ночь с 1 на 2 ноября в Минск прибыл блинди-
рованный поезд под командованием большевика
В. А. Пролыгина и другие воинские части, послан-
ные на помощь большевикам. «Комитет спасения»
был разгромлен. В Минске утвердился власть Со-
ветов.

Ликвидация «комитета спасения» подтвердила
правильность тактики большевиков Минска, свиде-
тельствовала о политической зрелости его руководи-
телей, среди которых видную роль играл В. Г. Кно-
рин.

Большевики Белоруссии под руководством
А. Ф. Мясникова, В. Г. Кнорина, К. И. Ландера,
И. Я. Алибегова, И. Е. Любимова, Н. И. Кривошеина
и многих других выполнили поставленную партией
задачу по завоеванию армии на сторону революции.
«Можно смело сказать, — говорилось в Кратком очер-
ке истории КП(б)Б, — что процесс подготовки и про-
ведения Октября в нашем крае был в значительной
степени проведен твердой и решительной рукой
отмеченной группы товарищей»²².

Красноречиво характеризовал агитационную
и пропагандистскую деятельность В. Г. Кнорина на
Западном фронте и в Белоруссии его соратник по
борьбе, видный революционер-большевик К. И. Лан-

дер, назвав В. Г. Кнорина незаменимым на своем посту.

Победа Советской власти в Белоруссии сопровождалась перестройкой работы ВРК. Была введена государственная монополия на публикацию объявлений в периодической печати, усилена борьба с мародерством, активно велась разъяснительная работа среди крестьян, продолжено формирование отрядов Красной гвардии.

В. Г. Кнорин вместе с А. Ф. Мясниковым, К. И. Ландером при активном содействии рабочих и членов фабрично-заводских комитетов практически осуществлял мероприятия по формированию отрядов Красной гвардии. В октябре 1917 года в минском депю Кнорин лично организовал красногвардейский отряд численностью в 500 человек.

Приказом № 14 от 16 ноября 1917 года ВРК назначил В. Г. Кнорина комиссаром типографий города Минска. Недавний проситель, обивавший пороги частных типографий в поисках полиграфической базы для издания большевистской газеты, стал грозой для буржуазных предпринимателей. Под руководством Кнорина были приняты меры по пресечению антисоветской деятельности контрреволюционных элементов. Были закрыты буржуазные и так называемые «социалистические» газеты, распространявшие клеветнические слухи о мероприятиях Советской власти, мешавшие упрочению нового строя.

Закрытие этих газет вызвало бешеную злобу врагов революции. В адрес большевиков посыпались обвинения в нарушении «свободы» печати. 1 декабря В. Г. Кнорин в газете «Звезда» выступил со статьей «Свобода печати». Он констатировал, что Советская власть нарушает свободу печати тех, кто мечтает о победе генерала Каледина, кто формирует против Советской власти полки, кто пробует обманом и хитростью настроить народные массы против своего рабоче-крестьянского правительства. Хищных зверей сажают в клетки и расстреливают. «Мы с буржуазией поступаем гораздо гуманнее, — писал Кнорин, — мы говорим, что должны быть вырваны ее длинные хищные зубы, чтобы меньше пролилось крови в гражданской войне на пути к социализму».

Изолировав силы контрреволюции в Минске, ВРК 26 ноября 1917 года передал власть исполнительному комитету Советов Западной области и фронта (Обл-искомзап). На пленарном заседании были избраны президиум исполкома (председатель Н. В. Рогозинский) и областной Совет Народных Комиссаров во главе с К. И. Ландером. В. Г. Кнорин стал в Совнаркомуправляющим делами.

Обл-искомзап развернул большую политическую работу по разоблачению происков меньшевиков и эсеров. В результате прошедших перевыборов большевики получили большинство мест как в уездных, так и в волостных Советах.

В этот ответственный период В. Г. Кнорин налаживал выход газеты «Звезда», редактором которой он был утвержден, а также формировал красногвардейские отряды. В начале 1918 года он вызвал в Минский комитет партии командира красногвардейской дружины П. Ф. Голуба, принявшего со своей дружиной участие в штурме Зимнего дворца. На этот раз П. Ф. Голубу предстояло во главе группы красногвардейцев отправиться на борьбу против контрреволюции в Сибири.

— Вы, Поликарп Фомич, командир уже опытный, боевой, — сказал Кнорин, усаживая гостя. — И, конечно, нам самим очень нужный. Но есть дела поважнее наших. Контрреволюция сколачивает силы, ополчается против Советской власти. Вам придется помочь сибирякам. Возглавите отряд красногвардейцев. Что скажете?

— Я, товарищ Кнорин, большевик, — ответил Голуб. — Где партии нужнее, туда и поеду. Не подведу...

На прощание Вильгельм Георгиевич сказал:

— Сибирь далеко. Но о Белоруссии не забывайте. Возвращайтесь, ждем вас живым и здоровым.

Не раз потом сибирскими холодными ночами вспоминал бывший батрак из-под Плещениц, командир красногвардейского отряда Поликарп Фомич Голуб этот короткий, но врезавшийся в память разговор. И не таким уж трескучим казался сибирский мороз, и теплее становилось на сердце.

В. Г. Кнорин весь отдался агитационной и орга-

низаторской работе. Его статьи в «Звезде» звали трудящихся на строительство новой жизни, изобличали буржуазию. Как заместитель председателя Минского Совета, В. Г. Кнорин занимался организацией борьбы с контрреволюцией и спекуляцией, обеспечением рабочих жилищем, созданием школ, библиотек, выступал с лекциями в партийной школе.

В. Г. Кнорин вместе с К. И. Ландером, Л. П. Резаусским входил в аппарат отдела просвещения Минского Совета. В конце января 1918 года вместе с другими работниками отдела он осмотрел школы, библиотеки Минска, представлявшие печальную картину. Прежние власти не интересовались состоянием школ и библиотек. В школах царило запустение, в библиотеках книги были свалены в кучи. Отдел просвещения принял экстренные меры по нормализации работы библиотек. По настоянию В. Г. Кнорина в Минске открылся народный университет, а также курсы руководящего состава советских органов, учителей. Решались вопросы ликвидации неграмотности. 22 января Минский Совет постановил закрыть школы старого типа, реквизирует церковные дома, монастыри и излишки жилого фонда, распустил городскую думу и управу, приостановил работу городского продовольственного комитета, который на протяжении нескольких месяцев не смог справиться с задачей снабжения беднейших слоев населения продовольствием.

Выполнение этих постановлений встретило упорное сопротивление буржуазии. Особую ненависть реакции вызвало решение об отделении церкви от государства, конфискация для нужд бедноты монастырских земель и домов. Контрреволюционные силы начали распускать провокационные слухи. Церковники устроили в Минске крестный ход. В связи с этим В. Г. Кнорин призвал трудящихся Минска не дать спровоцировать себя. Он верил, что рабочие дадут достойный отпор контрреволюции. Одновременно он хотел раскрыть глаза тем, кто еще верил во вражескую брехню, стал на путь измены интересам трудового народа. Социализм освобождает человека не только от господ земных, он освобождает его от всякого рабства. В. Г. Кнорин говорил, что те, кто до этого верили

в царство небесное, будут строить царство социализма на земле.

При поддержке Минского Совета шло формирование интернациональных полков, которые вместе с красногвардейскими отрядами пришли на смену демобилизующимся частям Западного фронта. Им первым пришлось оборонять завоевания революции, сражаться против банд Довбор-Мусницкого, объявившего 12 января 1918 года войну Стране Советов, захватившего Бобруйский, Сенненский уезды, Рогачев. Совнарком Облискомзапа объявил в Минске военное положение, предложил каждой профсоюзной организации выделить по 30 человек в отряды Красной гвардии.

14 января В. Г. Кнорин от имени Облискомзапа обратился к населению с призывом выступить против банд Довбор-Мусницкого, сохранять в городе революционный порядок:

«Пусть никто не осмелится думать, — писал В. Г. Кнорин, — что он безнаказанно может замахиваться на достижения рабочих и крестьян в революции. Контрреволюционный генерал и его слуги будут наказаны, и мятежная попытка будет ликвидирована самым суровым образом»²³.

На подавление контрреволюционного мятежа были направлены красногвардейские отряды.

10 февраля руководитель советской делегации на переговорах с Германией о заключении мирного договора Троцкий, нарушив директивы В. И. Ленина, заявил, что Советская Россия мира не подписывает, войну прекращает, армию демобилизует. Воспользовавшись этим, германское правительство прервало мирные переговоры и 18 февраля двинуло свои войска в наступление.

18 февраля председатель Минского городского комитета партии В. Г. Кнорин встретился с группой товарищей, которые в случае захвата немцами Минска должны были остаться для нелегальной работы на оккупированной территории. Это были верные, испытанные в революционных боях товарищи — П. Ф. Ревинский, П. И. Семенов, Б. З. Райцес, А. М. Криницкий, Ш. Ш. Ходош, Я. Ф. Перно, Семен Вольпов и другие.

Был создан комитет подпольной организации, определен круг его обязанностей.

— Отход наш вынужденный, временный, — сказал им Кнорин. — И наше возвращение будет в известной степени зависеть и от вас, товарищи. Ваша задача — повседневная работа в массах, среди рабочих, крестьян, немецких солдат. Расширяйте круг верных нам людей, овладевайте профсоюзами, через них разоблачайте националистов, бундовцев, меньшевиков, эсеров. Связь с обкомом поддерживайте через товарищей Сысоева-Смоленского, Иванова-Рыжова и Янюсаса. У них будете получать литературу, необходимые средства и указания.

На прощание Кнорин еще раз напомнил о конспирации:

— Не забывайте, что рискуя собой, вы ставите под удар товарищей, всю нашу работу.

Между тем обстановка с каждым днем усложнялась. Германские войска заняли Молодечно, Несвиж. В ночь с 18 на 19 февраля Совпарком Облскомзапа принял решение об эвакуации. В тыл вывозились боеприпасы, оборудование, имущество советских учреждений.

«Сто дней просуществовала Советская власть в Белоруссии, — отмечал В. Г. Кнорин, — и теперь она уходила под давлением внешнего врага, не успев организовать для сопротивления поднимающейся контрреволюции. Однако эти сто дней глубоко залегли в памяти крестьян и рабочих Белоруссии, и под немецкой оккупацией они организуют свои силы для борьбы с внутренней контрреволюцией и с немецкими оккупантами, чтобы после крушения военной мощи вновь восстановить в Белоруссии власть рабочих и крестьян»²⁴.

В. Г. Кнорин в числе других руководителей Облскомзапа, Северо-Западного областного и Минского городского комитетов партии покидал город последним.

На вокзале заканчивалась погрузка. Состав был готов к отправке. Охранял его интернациональный красногвардейский отряд, насчитывавший 200 бойцов. Смеркалось. Дул пронизывающий ветер, крутивший снежную поземку. Ветер доносил с запада глухие рас-

каты канонады, в городе раздавались выстрелы. А паровоз к составу еще подан не был.

— Не нравится мне все это, — обеспокоенно сказал Кнорин Мясникову, поднимая от ветра воротник шинели. — Весьма подозрительная задержка.

— Возьми красногвардейцев и — на станцию. Узнай, в чем дело, — сказал Мясников. — В такой ситуации всего можно ожидать.

С двумя красногвардейцами Кнорин пошел на вокзал. Начальник станции при виде Кнорина и красногвардейцев засуетился.

— Почему к составу не подан паровоз? — как можно хладнокровнее спросил Кнорин.

— Исправных паровозов нет, все в разгоне. А тот, что остался, до Смоленска не дотянет. Слишком слаб, а состав очень тяжелый. Нужно подождать.

— Кого, Довбор-Мусницкого? — заметил один из красногвардейцев. — Так это нам же с руки. Вы уж один его дожидаетесь. А нам паровоз требуется.

— И чем быстрее, тем лучше. Иначе может стать, что Довбора вам не дожидаться. — поправив на плече винтовку, подчеркнул товарища второй красногвардеец.

Вдруг двери кабинета распахнулись и в комнату вошло четверо неизвестных Кнорию людей.

— Вот с ними и объяснитесь, — показал на вошедших начальник станции. — А меня увольте.

— Пятьсот тысяч рублей — и паровоз будет, — потребовали вошедшие.

— Это что? Контрибуцию взять с Советской власти хотите? — взорвался Кнорин, выхватывая револьвер. — Но этот номер у вас не пройдет.

Красногвардейцы мгновенно взяли винтовки наизготовку.

— Всем оставаться на своих местах, — предупредил Кнорин. Он остановил свой взгляд на начальнике станции. Добавил:

— И если через пятнадцать минут паровоз не будет подан, открываем огонь из всех имеющихся у нас средств.

В сопровождении красногвардейцев Кнорин покинул кабинет.

Не успели красногвардейцы развернуть орудия и

приготовить пулеметы, как из-за поворота показался паровоз.

Через несколько минут поезд двинулся на Смоленск.

На защите завоеваний революции. Образование БССР и КПБ

21 февраля 1918 года Облискомзап, областной и городской комитеты партии прибыли в Смоленск и сразу же приступили к практической реализации установок партии и правительства по организации защиты молодой Советской республики.

23 февраля на объединенном заседании Западно-областного и Смоленского комитетов РСДРП(б) были обсуждены вопросы партийной работы в связи с событиями последнего времени. На заседании была принята резолюция в поддержку необходимости заключения мира во имя спасения революции и Советской власти. Было решено приступить к изданию газеты «Звезда», редактором которой оставался В. Г. Кнорин. На следующем заседании Кнорину было поручено подготовить текст обращения областного комитета партии к населению с призывом добровольно вступать в Красную Армию.

Слова обращения нашли у рабочих и крестьян широкую поддержку. В одной лишь Витебской губернии к концу февраля в Красную Армию записалось около 5 тысяч добровольцев. К началу апреля в неоккупированной части Белоруссии в Красную Армию вступили 10 тысяч добровольцев. Могилевская и Витебская губернии в 1918 году дали Красной Армии около 100 тысяч человек²⁵.

По поручению обкома В. Г. Кнорин и И. Я. Алибегов руководили работой нелегальных партийных организаций на оккупированной немцами территории. В конце февраля в обком партии прибыл П. М. Серебряков. Член партии большевиков с июня 1917 года, он являлся активным работником бобруй-

ской большевистской организации, был членом президиума Бобруйского Совета.

В. Г. Кнорин познакомил Серебрякова с задачами подпольщиков, приемами конспирации, рекомендовал разворачивать агитационную работу на фабриках и заводах, в городе и волостях уезда, поднимать массы на борьбу с врагом. В ходе беседы были уяснены методы агитации среди немецких солдат, способы распространения листовок на немецком языке. Было намечено создание партизанских отрядов, установлены формы связи с обкомом партии.

Под руководством подпольных большевистских организаций в тылу захватчиков на территории Гомельского, Минского, Могилевского, Бобруйского, Речицкого, Слуцкого, Быховского и других уездов разгоралось пламя партизанской борьбы. Она стала еще более целенаправленной после IV Северо-Западной областной конференции, состоявшейся 1—4 июня 1918 года в Смоленске.

Конференция обсудила доклад обкома партии о текущем моменте, сообщения с мест, доклады о продовольственном положении, о формировании частей Красной Армии, наметила меры по борьбе с хозяйственной разрухой. В. Г. Кнорин был избран секретарем областного комитета партии. Ему же поручалось руководство деятельностью подпольных организаций на оккупированной территории.

В период самых напряженных боев Красной Армии с немецкими интервентами летом 1918 года левые эсеры спровоцировали мятежи в Оршанском, Сенненском и ряде уездов Смоленской губернии. В Витебске и Смоленске с оружием в руках выступили анархисты и другие контрреволюционные элементы. Однако их преступная авантюра вскоре была ликвидирована. Тогда же областной Чрезвычайной комиссией была раскрыта крупная организация контрреволюционеров, которой руководил царский генерал Дорман. Однако остатки дормановской организации не сложили оружия. 14 июля 1918 года они подняли вооруженное восстание в городе Белом Смоленской губернии. Захватив казармы городской милиции, разоружив красноармейские отряды, контрреволюционеры арестовали до 100 местных коммуни-

стов и активистов, 18 из которых живьем закопали в землю.

Получив известие о трагедии в Белом, В. Г. Кнорин на ликвидацию мятежников направил красноармейские отряды под командованием Н. И. Кривошеина. Они успешно справились с поручением областного комитета. Вскоре Кривошеин телеграфировал В. Г. Кнорину о том, что в районе Воронцово и селца Демехи рассеяны банды мятежников, восстановлены Чичинский и Лянкинский исполкомы. В телеграмме далее говорилось: «Местное население стоит всецело за Советскую власть. Попытка белогвардейцев мобилизовать мужчин от 18 до 40 лет кончилась неудачей, думаем, что наши коммунисты не дадут улизнуть белогвардейцам»²⁶.

Инициаторы и подстрекатели мятежа — меньшевики и эсеры — потерпели полное поражение. Народные массы отвернулись от них. В своем решении об отношении к антисоветским фракциям областной комитет партии предложил всем Советам исключить их из своей среды.

В своих статьях в «Звезде» того времени В. Г. Кнорин разоблачал эсеров, давал четкие и ясные ответы на волнующие крестьян вопросы, сосредоточивал внимание на необходимости борьбы с голодом, изъятии у кулачества излишков хлеба, конфискации инвентаря и скота. Он убеждал крестьян в чрезвычайной важности политики военного коммунизма.

— Положение, товарищи, серьезное, — говорил Кнорин крестьянам на митинге в деревне Воронцово Бельского уезда. — Чтобы избежать голода, который стучится к нам в дверь, мы должны взять на учет каждый пуд хлеба, разумно расходовать его, ибо у нас нет ныне больших излишков, ибо окраины, дающие больше всего хлеба, ныне оторваны от нас.

В августе 1918 года В. Г. Кнорин участвовал в создании краевого комитета коммунистических организаций Белоруссии и Литвы, в задачу которого входило руководство борьбой трудящихся масс против немецких интервентов. Создание краевого комитета способствовало подъему всей партийной работы, активизации деятельности подпольных партийных организаций в тылу врага. В соответствии с требова-

ниями обстановки перестроило свою работу издательство «Звезда», руководимое В. Г. Кнориным и А. Ф. Мясниковым. За последние месяцы 1918 года в нем, кроме 5 газет, издавалась литература на русском, еврейском, немецком языках, общий тираж которой доходил до 2 150 000 экземпляров.

Большевистское слово В. Г. Кнорина-публициста звучало со страниц «Звезды», которая широко распространялась среди населения оккупированных районов, звало и вдохновляло рабочих и крестьян на борьбу с врагами пролетарского государства. В материалах, публикуемых под рубрикой «В оккупированном крае», «Звезда» рассказывала о возрастании сопротивления врагу, о действиях партизан и подпольщиков. Публиковались вести с фронтов гражданской войны, сообщения о жизни Советской республики.

Кроме «Звезды» В. Г. Кнорин редактировал и «Известия исполнительного комитета Советов Западной области и Смоленского Совета рабочих, солдатских и крестьянских депутатов». И в ней также первое место занимала тематика защиты республики Советов, восстановления разрушенного войной хозяйства, помощи Красной Армии, упорядочения продовольственного дела, охраны памятников старины и произведений искусства. 16 апреля 1918 года В. Г. Кнорин взял на себя обязанности заведующего отделом искусств Облискомзапа. Он принял экстренные меры по охране всех культурных ценностей: музеев, старинных зданий, архивов. Специальным постановлением отдела искусств запрещались самочинные раскопки курганов и могильников. 16 мая отдел искусств был слит с отделом народного просвещения. Однако и после этого В. Г. Кнорин много внимания уделял вопросам строительства новой пролетарской культуры. 9 июня в Смоленске, в здании Археологического института, отдел организовал выставку более 200 картин и предметов прикладного искусства. В отчете с выставки, опубликованном в печати, В. Г. Кнорин давал оценку работам мастеров искусств, подчеркивал веяния нового, свежесть красок, жизнерадостность, выразительность, красоту и творческий поиск, характеризовавших произведения ряда художников.

При активном участии Кнорина открывались новые школы, подбирались кадры учителей, на село посылались книги, газеты, делалось максимум возможного для ликвидации неграмотности. В. Г. Кнорин хорошо понимал, что невежество, незнание окружающей жизни — одно из самых больших препятствий к участию трудящихся в политической жизни и правильному пониманию задач момента. Он делал все, что мог, для ликвидации этого невежества. В. Г. Кнориным были разработаны принципы организации художественно-литературной секции Смоленского пролеткульта, определены цели и задачи пролетарского просветительного движения.

Залогом развития пролетарской культуры В. Г. Кнорин считал всемерное укрепление экономики Страны Советов, мощное созидательное движение масс.

2—4 сентября в Смоленске состоялась V Северо-Западная областная конференция РКП(б), на которой В. Г. Кнорин выступил с докладом о деятельности обкома. Конференция единогласно утвердила предложенный В. Г. Кнориным проект специального постановления о партийной дисциплине, обязывающего всех членов партии безоговорочно выполнять все решения конференции и областного комитета РКП(б). «Нарушение партийной дисциплины, — говорилось в резолюции, — является злом для партии, оно вредит всему ходу партийной жизни, ее развитию, укреплению, ее успехам, — поэтому оно считается недопустимым и всякий член партии, идущий против партийной дисциплины, должен быть караем по всей строгости»²⁷.

13 сентября пленум обкома принял решение о переименовании Западной области в Западную комму-ну. 16 сентября на заседании обкома было решено издавать газету «Бедняк», для чего выделялось 10 тысяч рублей. Редактирование газеты поручалось А. Ф. Мясникову и В. Г. Кнорину.

19—24 октября В. Г. Кнорин, И. Я. Алибегов и другие товарищи принимали участие в созванной Центральным Комитетом РКП(б) в Москве конференции коммунистических организаций Польши, Белоруссии, Литвы, Латвии, Эстонии, Финляндии. Кон-

ференция обсудила вопросы: о тактике и лозунгах компартий, работающих в оккупированных областях, о подготовке к вооруженному восстанию, о работе среди немецких солдат и другие.

Возвратившись в Смоленск, 24 ноября на заседании обкома партии В. Г. Кнорин доложил об итогах конференции. По его докладу было принято постановление об упразднении краевого комитета и создании вместо него Минского районного комитета, непосредственно связанного с областным комитетом партии. Минский районный комитет выделил Бобруйский уезд в качестве подрайона. Все средства краевого комитета переходили в распоряжение областного комитета и использовались для ведения работы в оккупированных районах. Было принято решение об открытии в Смоленске партийной школы, утверждена ее программа. В. Г. Кнорину поручалось чтение в этой школе курса истории партии.

Взятый партией курс на вооруженное восстание в оккупированных районах получил широкую поддержку в Белоруссии, способствовал усилению агитационно-пропагандистской и организационной работы среди населения. В Минске на кожзаводе, железной дороге, текстильной фабрике были образованы большевистские ячейки, объединившие более 100 коммунистов. Под видом плотников, кузнецов, батраков подпольщики вели разведывательную работу, создавали деревенские ячейки сочувствующих Красной Армии.

Повышение боевого мастерства частей молодой Красной Армии было одной из повседневных забот В. Г. Кнорина. Понимая, что сила армии рабочих и крестьян в ее тесной связи с народом, он обратился к рабочим и крестьянам Западной коммуны с призывом овладевать военным делом. «Мы спрашиваем каждого революционера, каждого социалиста и каждого рабочего,— писал В. Г. Кнорин,— умеешь ли ты обращаться с винтовкой, револьвером, пулеметом, а если не умеешь, то что ты предпринял, чтобы научиться? Готов ли вступить в ряды вооруженных рабочих и крестьян, идущих на защиту своих классовых интересов и своей классовой власти от всех покушений с запада, востока, юга и севера»²⁸.

26 октября В. Г. Кнорин телеграфировал в Невельский, Витебский, Вяземский, Рославльский и Оршанский райкомы партии о приведении в готовность к боевым действиям красноармейских отрядов.

Под влиянием агитационно-пропагандистской работы, проводимой большевиками среди немецких солдат, а также под воздействием вспыхнувшей в Германии революции оккупационный режим в захваченных немцами областях разваливался. 13 ноября 1918 года ВЦИК РСФСР объявил Брестский мирный договор аннулированным. А на следующий день Северо-Западный обком РКП(б) рассмотрел вопрос об освобождении территории Белоруссии, образовал Бобруйский, Минский, Молодечненский, Свенянский, Двинский военные советы во главе с двумя комиссарами каждый. Военным советам предоставлялась вся полнота власти на освобожденной от немецких захватчиков территории. В. Г. Кнорин лично занимался подбором кадров военных советов, проводил большую работу по созданию военно-революционных комитетов, призванных взять власть на освобождающейся территории в свои руки. Северо-Западный обком формировал ревкомы еще задолго до освобождения территории Белоруссии. Так, 6 октября 1918 года, за месяц до освобождения Могилевщины, обком рассмотрел вопрос о создании в губернии ревкома, пополнил его состав новыми товарищами.

В освобождающихся районах Белоруссии ревкомы налаживали хозяйственную жизнь, снабжение населения продовольствием и предметами первой необходимости, уделяли большое внимание созданию и росту партийных ячеек. Секретарь обкома партии В. Г. Кнорин в это время занимался организацией партичек и направлением их работы, вел оживленную переписку с местными партийными организациями по насущным вопросам жизни и борьбы.

Отступая под ударами Красной Армии, германские войска стремились увезти все, что было можно: хлеб, скот, машины, станки, сырье. 4 декабря председатель Северо-Западного обкома А. Ф. Мясников и секретарь обкома В. Г. Кнорин обратились к минскому подпольному комитету партии с письмом, в котором требовали принять все меры к недопущению раз-

грабления советского имущества германскими захватчиками. «Для проведения в жизнь этих задач Северо-Западный областной комитет предлагает вам,— говорилось в письме,— организовать вооруженные отряды из верных партийных товарищей. О ходе вашей работы и о всех явлениях и фактах в деле эвакуации в самом спешном порядке информируйте нас, чтобы мы могли принять меры к ускорению занятия Минска советскими войсками»²⁹.

Минский подпольный комитет партии незамедлительно приступил к выполнению директивы областного комитета. В Минске были созданы вооруженные формирования, к городу подтянуты партизанские отряды из других уездов.

10 декабря 1918 года Красная Армия вступила в Минск. Трудящиеся города и других освобождаемых территорий Белоруссии выражали Красной Армии горячую благодарность.

После освобождения Белоруссии от немецких захватчиков и восстановления Советской власти перед Северо-Западным обкомом партии встал вопрос о государственном устройстве края. А. Ф. Мясников, В. Г. Кнорин и другие руководители Западной области не сразу пришли к правильному ответу на этот вопрос. Страстные поборники интернационального сплочения трудящихся всех наций А. Ф. Мясников и В. Г. Кнорин, исходя из тесного переплетения судеб белорусского и русского народов, на первых порах считали нежелательным и противоестественным, играющим на руку буржуазно-националистическим элементам, создание в Белоруссии собственной государственности.

Отказываясь от самоопределения, крестьяне Погорельской волости Игуменского уезда, например, писали, что быть разделенными с Россией они не желают, ибо белорусы и весь белорусский край мал, и если белорусы отделятся, то неизбежно попадут в руки помещиков и буржуев.

О безусловной неотторжимости от матери-России заявил в январе 1918 года IV съезд крестьянских депутатов Могилевской губернии. Рабочие и крестьяне Белоруссии решительно отвергли самоопределение. Эти настроения свидетельствовали об отсутствии

опыта национального и государственного строительства. Трудящиеся Белоруссии и отражающие их настроения отдельные руководители опасались любого государственного обособления от Советской России. Однако в результате разъяснительной работы трудящиеся Белоруссии приняли сердцем и поддержали идею создания на основе диктатуры пролетариата своей белорусской государственности. Так, общее собрание граждан Куринской волости Витебского уезда постановило: «Мы свою свободу и Советскую власть, добытую кровью, защищать будем до последней капли крови и согласны быть в федерации с Великой Российской Федеративной Советской Республикой»³⁰.

О необходимости вхождения Белоруссии на началах автономности в федерацию с Российской Советской Республикой говорилось в резолюции Всероссийского съезда белорусских беженцев, состоявшегося в Москве в июле 1918 года.

Как патриоты-интернационалисты, подлинные большевики-деятели А. Ф. Мясников и В. Г. Кнорин, находившиеся в самом центре борьбы за политическое и национальное освобождение трудящихся, не могли не видеть этих революционных процессов, происходивших в Белоруссии, не понимать их.

Несколько позднее В. Г. Кнорин отмечал, что национальное возрождение, национальное самоопределение в интересах буржуазии и под руководством буржуазных националистов — это путешествие в ничто, это бесплодная трата сил крестьян и рабочих. Национальное возрождение, национальная политика под руководством Коммунистической партии — это средство вовлечения в активное государственное строительство все новых и новых гущ трудящихся.

Ошибки, допускаявшиеся В. Г. Кнориным и другими руководителями Северо-Западного областного комитета РСДРП(б), были обусловлены той коренной ломкой всего уклада жизни, которая происходила во всех сферах общества в результате Великой Октябрьской социалистической революции. О глубоком понимании истоков ошибок в национальном и советском строительстве В. И. Ленин писал: «Еще бы обойтись без неудач и ошибок в таком новом, для

всей мировой истории новом деле, как создание невиданного еще *типа* государственного устройства!»³¹

Став на правильные позиции в вопросе национального строительства, В. Г. Кнорин еще активнее включился в подготовку создания Белорусской ССР. По достоинству оценивая огромную помощь Советской России в подготовке кадров из числа белорусов, он писал: «Только при таком сотрудничестве краевых работников и московских, ленинградских и других работников национальный вопрос мог быть решен правильно. Другая постановка могла привести к приостановлению темпа работы партии в области разрешения национального вопроса, что пошло бы только в пользу разным националистам из Белорусской рады».

2 декабря 1918 года Северо-Западный обком партии рассмотрел вопрос о созыве VI областной партийной конференции. С докладом выступил секретарь обкома В. Г. Кнорин, сообщивший, что за немедленный созыв конференции высказались Витебский, Могилевский и Рославльский районные комитеты партии. По его предложению обком партии постановил созвать VI областную партийную конференцию в декабре 1918 года.

10 декабря по поручению обкома В. Г. Кнорин известил районные комитеты партии о предстоящей конференции, сообщил им норму представительства и просил присылать своих представителей.

Телеграммой от 16 декабря в Петроград Белорусскому национальному комиссариату В. Г. Кнорин предложил прислать на конференцию представителей белорусских секций РКП(б). От ЦК Компартии Литвы на конференцию был приглашен В. С. Мицкевич-Капсукас.

В Смоленске в ту памятную зиму снега выпало безмерно много. Дни стояли морозные. В здании бывшего Дворянского собрания, где с часу на час должна была открыться VI Северо-Западная областная конференция, тоже царил страшный холод.

Делегаты сидели группами, курили, грели руки от искристых махорочных самокруток. Кнорин заметно волновался. Все еще не было делегатов из Могилева и Витебска.

— Не волнуйся, — успокаивал его Мясников. —

Все соберутся. Что им снег. Я вот смотрю, Червякова с товарищами что-то нет.

— До Смоленска поезд доведет, — улыбнулся Кнорин. — А вот сюда едва ли смогут добраться. Шутка ли — снегу сколько выпало...

— Бери сани — и на вокзал, — сказал Мясников. Кнорин приехал вовремя. А. Г. Червяков, Д. Ф. Жилунович и прибывшие с ними другие делегаты уже намеревались идти пешком.

...Зал Дворянского собрания был полон. На VI Северо-Западную конференцию съехалось 175 делегатов с решающим и 31 — с совещательным голосом. Они представляли около 18 тысяч членов большевистской организации области, вдвое больше в сравнении с периодом V партийной конференции.

С отчетным докладом о работе областного комитета партии выступил В. Г. Кнорин. Он отметил огромный численный рост областной партийной организации, доложил о проделанной обкомом работе по восстановлению Советской власти на освобожденной белорусской земле.

Кнорин особо подчеркнул исключительную важность самоопределения Белоруссии, выразил уверенность в том, что образование Белорусской ССР еще больше сплотит русских и белорусов в единую дружную семью.

Конференция единодушно провозгласила образование Белорусской Советской Социалистической Республики и Коммунистической партии (большевиков) Белоруссии, объявила себя I съездом КП(б)Б. На съезде было утверждено Временное революционное рабоче-крестьянское правительство во главе с Д. Ф. Жилуновичем. В качестве управляющего делами правительства в него вошел и В. Г. Кнорин.

Съезд избрал руководящие органы КП(б)Б. В Центральное Бюро КП(б)Б вошли А. Ф. Мясников, В. Г. Кнорин, И. Я. Алибегов, Я. Ф. Перно, Д. Ф. Жилунович и другие. В. Г. Кнорин был избран секретарем ЦБ КП(б)Б.

1 января 1919 года был обнародован Манифест Временного рабоче-крестьянского правительства Белоруссии об образовании Белорусской ССР. 2 января Центральное Бюро КП(б)Б приняло решение о пар-

тийном органе. Им стала газета «Звезда». В. Г. Кнорин был включен в состав редколлегии газеты.

К 8 января правительство Советской Белоруссии и Центральное Бюро КП(б) Белоруссии переехали из Смоленска в Минск, ставший столицей БССР.

После переезда в Минск Центральное Бюро КП(б)Б приступило к налаживанию партийной и советской работы. Президиуму ЦБ, в состав которого наряду с А. Ф. Мясниковым, М. И. Калмановичем вошел и В. Г. Кнорин, поручалось провести подбор и расстановку ответственных партийных и советских работников.

Главной задачей в новых условиях ЦБ КП(б)Б считало проведение в жизнь декретов и мероприятий Советской власти. ЦБ провело всеобщую перерегистрацию членов партии, образовало ряд новых ячеек. В течение месяца были созданы партийные организации во всех уездах Минской, а также в освобожденных районах Гродненской и Вилейской губерний.

ЦБ ориентировало партийные организации центральных учреждений на установление более тесной связи с их уездными, волостными и сельскими отделами и отделениями, обязало народных комиссаров чаще выезжать на места и знакомиться с постановкой работы, укреплять связь с массами.

Секретарь ЦБ В. Г. Кнорин информировал уездные парторганизации об избрании на съезде Центрального Бюро КП(б)Б, нацеливал комитеты партии на решение актуальных задач.

Образование БССР и Компартии Белоруссии создало более благоприятные условия для активизации работы среди трудящихся масс. Время было суровое, беспокойное. На западе готовилась к интервенции против Советской страны буржуазно-помещичья Польша. Перед лицом опасности трудящиеся еще теснее сплачивались вокруг большевистской партии, выражая ей полную поддержку. В резолюции участников собрания местечка Койданово говорилось: «Горячо приветствуя восстановление Советской власти, будем поддерживать ее всеми реальными средствами и пойдем рука об руку с идейными товарищами-коммунистами против врагов трудящегося народа»³².

Активно включилось в работу по восстановлению

и упрочению Советской власти Временное рабоче-крестьянское правительство Белорусской ССР во главе с Д. Ф. Жилуновичем. Утвержденный 7 января 1919 года управляющим делами правительства, В. Г. Кнорин был проводником его постановлений. Декреты, подписанные Д. Ф. Жилуновичем и управляющим делами правительства В. Г. Кнориным, доходили в самые отдаленные уголки республики.

Были приняты декреты о всеобщем военном обучении, о действии законов РСФСР на территории Белоруссии, о призыве в Красную Армию бывших офицеров и унтер-офицеров старой армии, об учете и сохранении культурных ценностей. Утверждались кредиты на развитие народного хозяйства и культуры, на расширение сети библиотек, на здравоохранение, бесплатное питание детей, на нужды просвещения.

Проведение правильной продовольственной политики, установление твердых цен на хлеб содействовали укреплению молодой Советской республики. 27 января 1919 года правительство БССР смогло послать в Москву 75 вагонов картофеля, мармелада и других продуктов. Под руководством ЦБ готовился созыв I Всебелорусского съезда Советов. В этой работе принимал активное участие и В. Г. Кнорин. По его указанию во всех партийных организациях велась подготовка губернских съездов Советов. На протяжении января 1919 года во всех уездах и губерниях выборы в местные органы власти были закончены.

I Всебелорусский съезд Советов открылся 2 февраля 1919 года. На Подгорной (ныне улица К. Маркса) царило праздничное оживление. К городскому театру спешили делегаты. На ветру полыхали красные полотнища лозунгов и знамен.

На съезд прибыл представитель ВЦИК РСФСР Я. М. Свердлов.

Съезд явился знаменательным событием в жизни белорусского народа. Выступая на нем, секретарь ЦБ В. Г. Кнорин говорил:

— Веками мечтали рабочие и крестьяне много-страдальной Белоруссии о том дне, когда они смогут людьми зваться, когда их земля станет вольной и счастливой. И эта заветная мечта сбылась. Сбылась по-

тому, что трудовые массы Белоруссии самоотверженной борьбой приближали этот праздник, потому, что в этой борьбе опирались на Советскую власть, на партию большевиков, на силу и мощь своего русского брата.

В заключение своей речи В. Г. Кнорин сказал:

— Белоруссия — не западная окраина России. Белоруссия Советская — есть республика рабочих и крестьян для возвеличения их славы, искрометности ума и доблести трудовых рук.

3 февраля 1919 года I Всебелорусский съезд Советов, выражая волю белорусского народа, высказался за теснейшее единение с Советской Россией. Съезд утвердил Конституцию БССР, избрал Центральный Исполнительный Комитет. В состав ЦИК был избран и В. Г. Кнорин.

Были созданы Большой и Малый президиумы Совета Народных Комиссаров, утверждены наркомы и их заместители. ЦБ и Большой Президиум Совнаркома Белоруссии приняли решение о создании при Комиссариате финансов фонда в 10 миллионов рублей для восстановления хозяйства и фонда в один миллион рублей для военных заготовок, строительства военных мастерских, закупки необходимого сырья. По докладу члена ЦИК и секретаря ЦБ В. Г. Кнорина была принята Декларация ЦИК БССР к населению республики.

В феврале 1919 года правительство Белоруссии приняло декрет о введении на всей территории республики петроградского времени. Стрелки часов были переведены на один час вперед. Декрет был подписан Жилуновичем, Кнориным и Антониковским.

По этому случаю над Кнориным по-дружески подшучивали, что он, дескать, дал Белоруссии толчок в будущее, на что Вильгельм Георгиевич вполне серьезно отвечал:

— Ничего удивительного. Петроградское время толкнуло вперед не только Белоруссию. Придет день, когда весь мир будет жить по революционному времени.

В трудных условиях началось строительство новой жизни. Братский русский народ протянул Белоруссии руку дружбы и помощи. Совнарком РСФСР

распорядился создать комиссии, которым предлагалось направлять в Белоруссию все, что может быть отправлено в зависимости от политических условий данного момента. Однако мирное строительство вскоре было прервано начавшимся вторжением войск буржуазно-помещичьей Польши. Части Красной Армии на реке Зельвянке в Гродненской губернии дали первый бой польским захватчикам, но приостановить движение превосходящего противника, вооруженного империалистами Антанты и США, Красная Армия не смогла. К середине марта интервенты захватили Брест, Волковыск, Слоним, Скидель, Щучин, Пинск, Барановичи.

ЦБ КП(б)Б предприняло меры по усилению партийной работы в прифронтовой полосе и на оккупированной противником территории. 1 марта 1919 года оно утвердило разработанную В. Г. Кнориным инструкцию по организации партячеек, создало при ЦБ специальный отдел, в задачи которого входила агитация и пропаганда среди рабочих, крестьян, снабжение ячеек литературой и деньгами. Отделу разрешалось входить в контакт с другими коммунистическими партиями за границей, направлять людей на нелегальную работу.

Перед этим ЦК РКП(б), учитывая создавшуюся обстановку и пожелания белорусского и литовского народов, принял решение о слиянии Белорусской ССР и Литовской ССР в единую Литовско-Белорусскую Советскую Социалистическую Республику (Литбел). Объединение двух республик потребовало и слияния обеих партийных организаций. В. Г. Кнорин провел большую работу по подготовке объединительного съезда Компартий Литвы и Белоруссии. В телеграмме уездным партийным организациям он указывал на необходимость проведения до 1 марта уездных конференций. В ней указывалось также, что ввиду многочисленности уездных организаций делегаты на VIII Всероссийский съезд РКП(б) будут избираться на съезде.

Перед объединительным съездом состоялась Минская губернская конференция КП(б)Б, рассмотревшая вопросы о слиянии двух республик, образовании правительства, подготовке объединительного съезда.

Объединительный съезд, проходивший в Вильнюсе с 4 по 6 марта, заслушал доклад В. Г. Кнорина о деятельности ЦБ КП(б)Б. В докладе отмечалось огромное влияние Компартии Белоруссии на трудящихся республики в течение тех двух месяцев, которые прошли со времени освобождения республики от польских интервентов. В. Г. Кнорин рассказал об истории создания и борьбы Компартии Белоруссии, высказал горячее пожелание объединиться с большевистской партией Литвы.

Съезд оформил единую партийную организацию — Компартию Литвы и Белоруссии, избрал ее Центральный Комитет, в состав которого наряду с другими руководящими товарищами вошел В. Г. Кнорин.

На первом заседании ЦК КП(б)ЛиБ В. Г. Кнорин был избран в состав Президиума ЦК. Председателем Президиума ЦК КП(б)ЛиБ был избран В. С. Мицкевич-Капсукас, секретарем ЦК — В. Г. Кнорин. Президиум ЦК возложил на Кнорина и Мясникова редактирование газеты «Звезда».

В числе 18 делегатов Компартии Литвы и Белоруссии В. Г. Кнорин был избран на VIII съезд РКП(б).

Большое внимание уделял ЦК КП(б)ЛиБ вопросам аграрной политики. Помещичьи имения национализировались. На их базе создавались крупные сельскохозяйственные предприятия (совхозы, коммуны, артели). Намечались мероприятия по подъему сельского хозяйства: крестьянам оказывалась помощь в приобретении сельскохозяйственных орудий, тракторов, закупке лучших сортов семян.

Литовско-Белорусская ССР ощущала острые затруднения с продовольствием. Вопросы, связанные с ним, находились в центре внимания ЦК и правительства республики. 2 мая 1949 года секретарь ЦК КП(б)ЛиБ В. Г. Кнорин подготовил письмо уездным комитетам, в котором рекомендовалось не отзывать ответственных продовольственных работников для направления их на фронт без согласия коллегии наркомпрода, поскольку их работа в данный момент самым теснейшим образом связана с нуждами обороны страны.

Продовольственные трудности усугублялись воен-

ной обстановкой, продолжавшейся интервенцией полчищ Пилсудского, на которых мировая контрреволюция тогда возлагала главные свои надежды. В. Г. Кнорин предупреждал трудящихся республики о нависшей над ними опасности: польские помещики, русские белогвардейцы, английские биржевики, французские купцы, американские предприниматели и немецкие юнкера стягивают на Западный фронт все, что могут — продажные войска, золото, военное имущество, флот, чтобы не только остановить проникновение пролетарской революции дальше на запад, но и подавить ее совсем, добраться до красного сердца ее — Советской России. Белоруссия Советская становится вновь боевым форпостом Страны Советов⁵³.

ЦК КП(б)ЛиБ перед лицом грозящей опасности принял меры по ускорению мобилизации коммунистов на фронт, рекомендовал городским и уездным организациям вести партийную работу в тесном контакте с красноармейскими партийными организациями. Для подготовки партийных работников в Вильно была открыта партийная школа, где с лекциями выступали В. Г. Кнорин, В. С. Мицкевич-Капсукас, К. Т. Циховский. Их голоса звучали и на рабочих собраниях. Они призывали крепить оборону, быть бдительными к просякам контрреволюции. Словом и делом большевики готовили трудящиеся массы к борьбе.

Меры, принятые Центральным Комитетом и правительством, военным командованием Литовско-Белорусской республики, содействовали укреплению боеспособности Красной Армии, цементировали ее ряды. В то же время ЦК КП(б)ЛиБ считался с возможностью потери Вильно и Минска и создал 9 марта 1919 года комиссию по разработке плана партийной работы в случае эвакуации. 10 марта члены комиссии В. Г. Кнорин, З. И. Алекса-Ангаретис, М. И. Калманович определили ряд пунктов в Литве и Белоруссии, в которых необходимо было создать опорные пункты подпольной работы.

Было решено оставить для нелегальной работы товарищей, знакомых с местными условиями, начать создание нелегальных типографий в Вильно и Минске.

Правительство Литовско-Белорусской ССР объявило республику на военном положении. ЦК КП(б)ЛиБ принял постановление о мобилизации коммунистов в Красную Армию. На фронт было направлено 20 процентов состава партийной организации Литовско-Белорусской ССР.

Враг шел на всякие авантюры, лишь бы быстрее добиться победы. Переодевшись в красноармейскую форму, польские легионеры попытались захватить Вильно обманным путем. Но этот их трюк не увенчался успехом — части Красной Армии дали им должный отпор. Однако угроза, нависшая над Вильно, оставалась. В ночь на 19 апреля В. С. Мицкевич-Капсукас на экстренном совещании Совнаркома доложил об окружении легионерами города, предложил безотлагательно создать Совет Обороны республики, который возьмет на себя оперативное руководство, предпримет меры по укреплению командного состава, выводу из окружения воинских частей, приостановке наступления легионеров, организует снабжение частей боеприпасами и продовольствием.

Совету Обороны удалось на некоторое время стабилизировать положение. Три дня красноармейцы, рабочие, коммунисты и комсомольцы удерживали город. Каждый дом, каждую улицу, перекресток они превратили в крепость.

Однако силы были неравны. 24 апреля части Красной Армии оставили Вильно.

ЦК КП(б)ЛиБ на очередном своем заседании отмечал, что потеря Вильно была обусловлена недостаточными мерами по борьбе с контрреволюцией, слабой работой Виленского Совета рабочих депутатов, малочисленностью партийной организации (насчитывала около 300 коммунистов), необоснованным роспуском ЦК.

28 апреля 1919 года ЦК КП(б)ЛиБ, правительство Литовско-Белорусской ССР переехали в Минск. Там в Совет Обороны был введен В. Г. Кнорин.

Быстро включившись в работу, В. Г. Кнорин ознакомился с положением дел и вскоре мог доложить ЦК РКП(б) о состоянии партийной работы за время, прошедшее после освобождения Белоруссии от немецкой оккупации.

За короткое время под руководством В. Г. Кнорина была налажена телеграфная, телефонная и почтовая связь с уездами, на новый уровень поставлена работа молодежных организаций. В. Г. Кнорин информировал местные партийные организации о решениях ЦК, принимал меры по обеспечению их политической литературой, инструктировал их по вопросам организационного характера, контролировал выполнение коммунистами уставных требований.

Политбюро ЦК КП(б)ЛиБ, образованное в составе В. С. Мицкевича-Капсукаса, В. Г. Кнорина, И. С. Уншлихта, З. И. Алексы-Ангаретиса, обязало представителей медико-санитарно-технических частей, начальника гарнизона, представителя ЧК, председателя горисполкома, начальника милиции ежедневно докладывать Совету Оборона о состоянии работы.

В задачу Совета Оборона вошло создание партизанских отрядов в тылу противника, снабжение оружием коммунистических ячеек.

Несмотря на огромную занятость организаторской работой, В. Г. Кнорин почти ежедневно выступал со статьями в «Звезде» по вопросам партийной и военнотрудовой работы. Он рекомендовал партийным и советским организациям смелее приобщать к работе в государственном аппарате женщин, убедительнее разъяснять крестьянам сущность внутренней и внешней политики Советской власти, всячески укреплять тыл и оказывать максимальную помощь фронту.

В поле зрения ЦК КП(б)ЛиБ находилась и подпольная работа на оккупированной врагом территории. В. Г. Кнорин лично занимался подбором работников для подполья. По решению ЦК КП(б)ЛиБ издавался и передавался подпольному Виленскому комитету партии двухнедельный журнал «Коммунист», в редколлегию которого входил В. Г. Кнорин. Он отвечал за периодические издания на русском языке.

В. Г. Кнорин повседневно занимался подбором и расстановкой коммунистов на решающих участках партийной и советской работы, подбирая работников в аппараты наркоматов финансов, труда и юстиции.

По поручению ЦК КП(б)ЛиБ В. Г. Кнорин со-

вместно с В. С. Мицкевичем-Капсукасом провел строгий учет коммунистов, работающих в Литве и Белоруссии. Это позволило быстрее подобрать кадры уездного звена. В целях оказания практической помощи местным работникам В. Г. Кнорин неоднократно посещал Борисовский, Бобруйский и другие уезды.

В отчете ЦК КП(б)ЛиБ Центральному Комитету РКП(б) за март — июнь 1919 года В. Г. Кнорин сообщал, что Организационное бюро вело обучение всех членов партии, мобилизовало 50 процентов женщин-коммунисток на санитарные курсы, руководило работой Минского уездного комитета партии, рассылало лекторов, издавало политическую литературу, установило постоянную связь с Вильно. На барановичском направлении в прифронтовой полосе был создан аппарат, распространяющий большевистскую литературу среди легионеров и крестьян оккупированных населенных пунктов — Горецкие, Турец, Кореличи.

Лучших своих сыновей направил в Красную Армию комсомол Литовско-Белорусской ССР. 20 процентов комсомольцев стали добровольцами Красной Армии. Они охраняли мосты и военные объекты, были курьерами от ЦК КП(б)ЛиБ для связи с подпольщиками, распространяли листовки, вели разведывательную работу, выявляли провокаторов, вовлекали молодых рабочих и крестьян в партизанские отряды.

В связи с нехваткой в Красной Армии командных кадров ЦК КП(б)ЛиБ с ведома ЦК РКП(б) направил в Красную Армию патриотически настроенных офицеров старой армии. Этой работой руководил В. Г. Кнорин. Он дал указание губернским и уездным военным комиссарам, а также мобилизационному бюро Минского губернского комитета партии о призыве в Красную Армию унтер-офицеров старой армии.

В связи с тяжелыми условиями, создавшимися на фронте, ЦК КП(б)ЛиБ предложил Совету Обороны в трехдневный срок разработать мероприятия по организации нелегальной работы.

Выполняя это постановление, В. Г. Кнорин занимался формированием партийного подполья, подбором для нелегальной работы лучших коммунистов, организацией подпольных типографий. В связи с возможным переездом правительства республики в Боб-

руйск В. Г. Кнорин поручил Л. И. Стронгину в срочном порядке подготовить в Бобруйске запасную печатную базу для выпуска газеты «Звезда».

В течение нескольких дней задание В. Г. Кнорина было выполнено. В. Г. Кнорин поручил Стронгину создать в Минске подпольную типографию на случай оккупации. Подыскивалось нужное помещение, места для склада литературы, явочные квартиры.

В. Г. Кнорин предупреждал будущих подпольщиков о необходимости соблюдения строжайшей конспирации, об ограничении круга лиц, знающих о связях с организацией и деятельности подполья.

Л. И. Стронгин горячо принялся за выполнение всех поручений. «Вторую резервную типографию, — вспоминал он впоследствии, — отвезли в местечко Смиловичи Игуменского уезда. Ящики с оборудованием были спрятаны в хлеву. Подпольный склад партийной литературы был организован в доме Сутина в подвале, в квартире и хлебобулочной на Серпуховской улице. Для ее хранения в печи было устроено потайное книгохранилище, а для текущих потребностей вырыт погреб в спальне, под кроватью. Для явочной квартиры было арендовано помещение кондитерского заведения на Захарьевской улице (ныне Ленинский проспект), рядом с красным польским костелом, и приспособлено под «Кафе-молочная И. Стронгина»³⁴.

21 мая В. Г. Кнорин, В. С. Мицкевич-Капсукас, М. И. Калманович от имени Совета Оборона обратились к населению Минска с воззванием, в котором сообщалось, что Совет принимает на себя всю полноту власти, остается в городе и будет руководить его обороной до последней возможности. Рабочие и красноармейцы были полны решимости отстоять Минск.

В. Г. Кнорин от имени ЦК РКП(б) ЛиБ обратился с циркулярным письмом в партийные комитеты о мобилизации 50 процентов женщин для санитарной работы в войсках. Женщины горячо откликнулись на призыв партии. Так, бюро работниц при Минском горкоме партии постановило мобилизовать для этой цели всех работниц с 18 до 25 лет в течение трех недель.

В мае В. Г. Кнорин сообщал в ЦК РКП(б) о мо-

близации на фронт в качестве санитарок 50 работниц — членов Минской партийной организации. В этом же месяце партийная организация города отправила на фронт 445 коммунистов, или 60 процентов своего состава.

Центральный Комитет РКП(б)ЛиБ предпринимал все меры для организации обороны города. Формировались новые воинские части, пополнялись существующие, успешно велась разведка. ЦК поддерживал связи с коммунистами, отправляющимися на фронт, упорядочил их использование на решающих участках партийной работы.

1 июня 1919 года уполномоченный Совета Оборона Литовско-Белорусской ССР З. И. Алекса-Ангартис сообщал в Москву, в Совет Оборона о необходимости координации действий военного командования на паневежском направлении. Он указывал на неправильные действия командования, которое формировало из коммунистов самостоятельные части. Подчас эти части целиком погибали в бою. З. И. Алекса-Ангартис по предложению В. Г. Кнорина рекомендовал распределять коммунистов по воинским подразделениям, что должно будет содействовать подъему дисциплины красноармейцев, повышению их боевого духа, цементированию их рядов. Предложение было принято Советом Оборона. В. Г. Кнорин от имени ЦК партии дал соответствующие распоряжения командованию фронта. Распоряжение ЦК РКП(б) было выполнено. И это сыграло положительную роль в повышении боеспособности воинских частей Западного фронта.

Дальнейшее осложнение обстановки на фронте требовало концентрации сил и средств для борьбы против внешней и внутренней контрреволюции, установления военного единства советских республик. Предложение ЦК РКП(б) о военном единстве было поддержано правительством Литовско-Белорусской ССР, Компартией Литвы и Белоруссии и Советом Оборона. 31 мая 1919 года члены Совета Оборона Литбела В. Г. Кнорин, В. С. Мицкевич-Капсукас, И. С. Уншлихт, М. И. Калманович и другие обратились во ВЦИК с предложением установить тесный военный союз советских республик с единым коман-

дованием. ЦК РКП(б) одобрил инициативу трудящихся РСФСР, Украины, Латвии, Литвы и Белоруссии, направленную на объединение всех сил и средств для борьбы с врагами, и по предложению В. И. Ленина в мае 1919 года утвердил «Проект Директивы ЦК о военном единстве».

23 июля секретарь ЦК КП(б) ЛиБ В. Г. Кнорин в ответ на предложение ЦК РКП(б) об усилении 16-й армии коммунистами доложил Центральному Комитету, что в Красную Армию направлены многие руководящие советские и партийные работники Литовско-Белорусской ССР, в том числе народный комиссар юстиции член ЦК А. Х. Гетнер, народный комиссар по военным делам, член ЦК И. С. Уншлихт, народный комиссар по продовольствию, член ЦК М. И. Калманович, народный комиссар здравоохранения Ю. М. Лелюцкий, заместитель председателя Высшего Совета народного хозяйства Н. И. Подвойский и другие.

Приближение противника к Минску потребовало мобилизации всех сил на оборону города. ЦК КП(б) ЛиБ направил на фронт все лучшие силы партийных и комсомольских организаций. В. Г. Кнорин обратился в ЦК РКП(б) с просьбой направить на Западный фронт красноармейцев, мобилизованных в Витебской, Смоленской и Могилевской губерниях. Эту просьбу он мотивировал тем, что, сражаясь в родных местах, красноармейцы — выходцы из Литвы и Белоруссии, с большей энергией и самоотверженностью будут бороться за социалистические завоевания, пройдут школу классовой борьбы и после победы над оккупантами станут ядром советского и партийного аппарата в республике. ЦК РКП(б) поддержал эту просьбу и содействовал направлению красноармейцев-белорусов из других районов на Западный фронт. Плечом к плечу с белорусами, литовцами сражались против легионеров и красноармейцы, прибывшие на помощь своим братьям из Курской, Тульской, Тверской и других губерний России.

Несмотря на героическое сопротивление частей Красной Армии, противнику к началу августа удалось приблизиться к Минску на расстояние 12 километров. На ближайших подступах к городу разгоре-

лись ожесточенные бои. Деревни Паперня и Пыльница несколько раз переходили из рук в руки. Чудеса героизма показывали красноармейцы и командиры, особенно коммунисты и комсомольцы. Однако перевес сил был на стороне врага. Утром 8 августа польские войска, поддержанные артиллерией, ворвались в предместье Минска. Бои весь день продолжались на его улицах, и только к вечеру противнику удалось захватить город.

ЦК КП(б)ЛиБ переехал в Бобруйск, а затем в Смоленск. В Минске для нелегальной работы была оставлена группа коммунистов.

Давая оценку героической обороне Минска, В. Г. Кнорин писал, что только красный Царицын видел такую героическую оборону от белых банд Деникина, как наш красный Минск.

3 сентября 1919 года на заседании ЦК КП(б)ЛиБ было решено сосредоточить все внимание на руководстве партийными организациями в партизанском движении, перенести всю тяжесть партийной работы за линию фронта, и тыл врага.

Для оказания помощи подпольным организациям в развертывании партизанского движения на захваченной врагом территории, обеспечения необходимой для ведения агитации литературой ЦК КП(б)ЛиБ создал Белорусскую редакционную коллегию в составе В. Г. Кнорина, А. Г. Червякова, Ф. Шантыря.

11 ноября ЦК КП(б)ЛиБ для оперативного руководства подпольными партийными организациями утвердил бюро нелегальной работы (БНР), в которое был избран и В. Г. Кнорин.

БНР направило за линию фронта испытанных, верных Советской власти товарищей, которые создавали партизанские отряды. Отважно громили захватчиков партизаны отрядов Апанаса Полонейчика, Максима Уса и Александра Соловья, Василия Погирейчика, Андрея Блажко, Максима Левкова, Сергея Плащинского. Рудобельская волость не покорилась интервентам. Она стала центром партизанских действий.

Одним из организаторов партизанского движения на Мозырщине был В. И. Талаш. В его отряде было 300 человек.

С большим вниманием относился к событиям на Западном фронте В. И. Ленин. По его предложению туда был направлен ряд партийных работников. Командующим фронтом был назначен М. Н. Тухачевский, членом Реввоенсовета фронта — И. С. Уншлихт, начальником политотдела — А. Ф. Мясников.

Важное значение для политического укрепления тыла Западного фронта имел приезд в Белоруссию председателя ВЦИК М. И. Калинина с агитпоездом «Октябрьская революция». Он побывал в Орше, Витебске, Могилеве, Бобруйске, Гомеле, Жлобине, Минске. М. И. Калинин и весь коллектив агитпоезда оказали большую помощь партийным и советским организациям республики в политическом просвещении трудящихся масс.

19 января 1920 года ЦК КП(б)ЛиБ принял тезисы В. Г. Кнорина о подготовке вооруженного восстания в Минской и других губерниях Литовско-Белорусской ССР. В них предлагалось усилить работу среди населения, обеспечить его оружием, боеприпасами.

Сосредоточив в своих руках руководство нелегальной работой, БНР поддерживало связи с Компартией Польши, договаривалось с ее руководством о распространении политической литературы в войсках захватчиков, подбирало работников для транспортировки литературы за линию фронта, направляло туда агитаторов, устанавливало связи с оставшимися для подпольной работы коммунистами, приобщало к работе новых, преданных партии и Советской власти людей.

В конце августа в Смоленск из-за линии фронта был вызван Л. И. Стронгин. Он проинформировал БНР о положении дел в оккупированных районах и получил новые инструкции. В конце беседы В. Г. Кнорин ознакомил его с перечнем и тиражами намеченных БНР периодических изданий на русском, польском и немецком языках, порекомендовал пути их распространения среди населения и войск оккупантов.

Занимаясь подбором и инструктированием кадров для нелегальной работы на оккупированной территории, В. Г. Кнорин указывал им конспиративные

явки, снабжал деньгами и документами, концентрировал у себя и обобщал сообщения с мест. Как член БНР и секретарь ЦК КП(б)ЛиБ он сосредоточивал в своих руках всю информацию о настроениях населения на оккупированной территории, о действиях интервентов. На страницах «Звезды» он рассказывал о настроениях населения оккупированных районов, подсказывал рабочим и крестьянам формы борьбы с интервентами.

О положении в тылу врага и работе подпольных организаций В. Г. Кнорин регулярно информировал ЦК РКП(б). Подпольные партийные организации существовали во всех крупных населенных пунктах Белоруссии. Под влиянием большевистской агитации ширилось освободительное движение трудящихся масс на оккупированной врагом территории. Земля горела под ногами пилсудчиков. Крестьяне Свенцянского и Вилейского уездов, например, напали и разбили отряд польских легвоенеров, который грабил их деревни. Партизанские отряды, созданные под руководством большевиков, совершали дерзкие налеты на штабы и обозы пилсудчиков, взрывали их поезда, уничтожали связь. Народные массы Литвы и Белоруссии усиленно готовились к восстанию и изгнанию оккупантов.

Кроме руководства нелегальной деятельностью в тылу вражеских войск, В. Г. Кнорин вел большую организаторскую и политическую работу как член, а затем и председатель Смоленского уездно-городского комитета партии. Он занимался вопросами формирования и обучения отрядов особого назначения, мобилизации в Красную Армию, проведения «недель фронта», руководил первичными партийными организациями города, уезда и губернии. В октябре 1919 года на заседании Смоленского уездно-городского комитета партии по рекомендации В. Г. Кнорина было образовано Военное бюро партийной организации Западного фронта, которому поручалось вести пропагандистскую и организаторскую работу среди фронтовиков, прием их в ряды партии, координировать действия политотделов 16-й армии и Смоленского гарнизона.

Возглавляемое В. Г. Кнориным Военное бюро ор-

ганизовало помощь семьям красноармейцев-фронтовиков, распределяло лекторов и докладчиков, созывало и проводило конференции беспартийных, организовало неделю помощи фронту, проводило денежные сборы, направляло работу комсомольцев и молодых членов партии.

Недели фронта, проводимые в уезде, как правило, сопровождалась большой агитационно-пропагандистской работой, выступлениями художественной самодеятельности, сбором средств для нужд фронта. В пользу фронта рабочие и служащие добровольно отчисляли часть своей заработной платы. Эти средства направлялись на удовлетворение самых насущных нужд фронта.

Энергия Кнорина не знала предела. Его можно было видеть в те дни среди железнодорожников Смоленска, на собраниях коммунистов города, на митингах трудящихся и красноармейцев. Он выступал с докладами по вопросам партийной, советской и профсоюзной работы, активно участвовал в организации городских субботников.

В марте 1920 года на партийной конференции В. Г. Кнорин был вновь избран в президиум Смоленского уездно-городского комитета партии. На него возлагалось руководство работой агитотдела.

Уездно-городской комитет уделял большое внимание снабжению населения и войск фронта продовольствием. Ввиду тяжелого материального положения рабочих электростанций горком выделил им красноармейские пайки. В поле зрения горкома постоянно находились хозяйственные вопросы. Они обсуждались на III уездно-городской конференции, состоявшейся в Смоленске 18 марта 1920 года. Конференция единогласно приняла предложенные В. Г. Кнориным тезисы по организационному вопросу. В них уделялось большое внимание хозяйственно-экономической работе, повышению производительности труда, работе партийных ячеек на фабриках, транспорте, в совхозах.

Свое выступление на конференции В. Г. Кнорин закончил призывом отдавать все силы и энергию порученному делу, активному содействию борьбе за создание экономики пролетарского государства.

Конференция отметила успех очередной недели фронта, в которой участвовало 11 500 рабочих и красноармейцев, 20 тысяч крестьян. В деревнях состоялось 220 митингов, 20 собраний, 2 субботника, показано несколько спектаклей, заготовлено 23 сажени дров.

Смоленский уездно-городской комитет систематически практиковал делегатские собрания коммунистов, созываемые в промежутках между партийными конференциями. Эти собрания явились действенной формой вовлечения коммунистов в советское, партийное и хозяйственное строительство. В. Г. Кнорин неоднократно принимал участие в делегатских собраниях, выступал на них, организовывал выполнение принятых решений.

На очередном делегатском собрании было решено широко отметить в Смоленске и уезде праздник Первомая. Развернулась подготовительная работа, в которую были вовлечены рабочие, крестьяне, красноармейцы. Тон всему задавали коммунисты и комсомольцы. Активно участвовали в подготовке к празднику и сестры В. Г. Кнорина Зельма и Мильда, приехавшие к нему из Латвии.

В городе, деревнях вывешивались алые флаги и лозунги, готовились к выступлениям участники художественной самодеятельности. В канун пролетарского праздника по предложению уездно-городского комитета партии рабочие, служащие заводов, фабрик, мастерских отработали три сверхурочных часа, отдавая заработанные средства в фонд борьбы против польских интервентов — фронт как и прежде оставался главным вопросом борьбы.

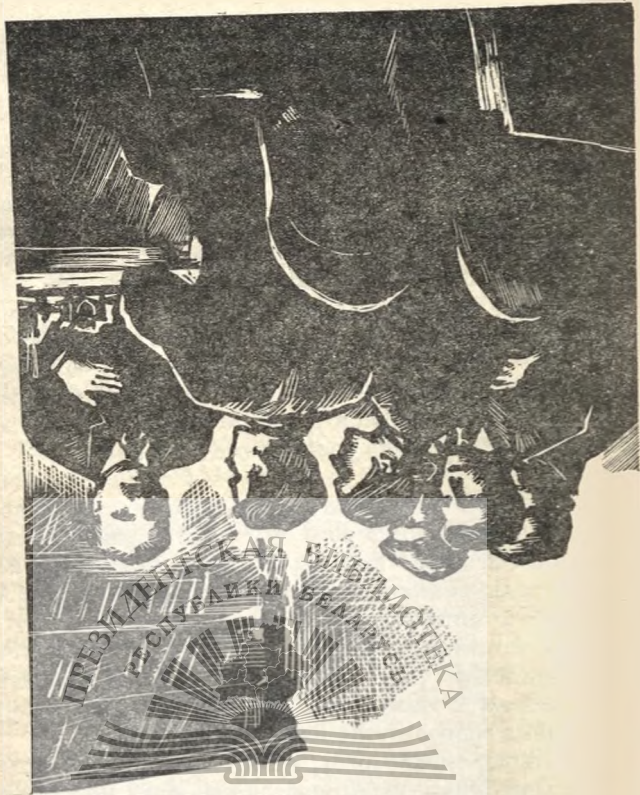
Праздник Первомая проходил под лозунгом наращивания усилий масс в поддержку фронта, налаживания хозяйственной работы в тылу. Он вызвал всеобщее воодушевление рабочих, крестьян Смоленщины, горячую веру в изгнание польских легионеров, в скорую победу.

Большая организаторская и пропагандистская работа, проведенная в этот период коммунистами Смоленщины под руководством и при участии В. Г. Кнорина, способствовала восстановлению подвижного состава железнодорожного узла, приобщению населе-

ния к задачам возрождения народного хозяйства. На заводах, фабриках, в мастерских города, в деревне велась постоянная пропагандистская работа, создавались партячейки, комсомольские и профсоюзные организации. Так, 20 октября 1919 года уездно-городской комитет партии создал в поселке железнодорожников подрайонную партийную организацию. В нее входило 7 ячеек, которые вели постоянную работу среди населения поселка, насчитывавшем до 6 тысяч человек.

Член КПСС с 1918 года З. Н. Гагарина в своих воспоминаниях отмечает, что в Смоленске В. Г. Кнорин находился на разных участках партийной работы, но никогда и нигде не был временным работником. Всюду, куда его посылала партия, В. Г. Кнорин являл собой образец целеустремленности, творческого дерзания и инициативы. Сам горел и зажигал других.

ЗА ЧАСТЬЕ
НАРОДА

Ревком действует

Весной 1920 года Красная Армия предприняла ряд наступательных операций на Западном фронте. Основной удар был сосредоточен в направлении Минска. Были освобождены Новогрудок, Лунинец.

В связи с приближающимся освобождением всей Белоруссии ЦК Компартии Литвы и Белоруссии образовал Минский губернком. В. Г. Кнорину как одному из его членов поручилось обеспечить издание газеты «Звезда», готовить воззвания к населению освобождаемых территорий. Получив вести о новых успехах войск фронта, Кнорин сразу же появился в типографии обкома. Он весь сиял, чувствуя, что рабочие также будут рады известию, которое он пришел сообщить.

— Красная Армия освободила Барановичи, Лиду, Слуцк... Очередь за Минском, товарищи. Скоро домой! Готовьтесь, в Минске нам предстоит сразу же издавать «Звезду».

Воодушевленный вестью об успешном наступлении Красной Армии в Белоруссии, В. Г. Кнорин в этот же день написал воззвание к трудящимся республики. В нем говорилось: «Началась великая и решающая битва между трудящимся народом и польскими панами и их наемниками. Терпение трудового народа, изнывающего под гнетом помещиков, купцов и фабрикантов, лопнуло...

Рабочие, крестьяне и батраки Белоруссии! Становитесь в ряды сознательных борцов за свою власть и за права трудящихся. Идите на помощь Красной Армии! Избирайте по селам, деревням, волостям и ме-

стечкам свои Советы рабочих и крестьянских депутатов, избирайте в них верных вашему делу людей, действительных революционеров. Берите власть в свои руки...»³⁵

В конце мая 1920 года ЦК РКП(б) утвердил новый состав ЦК КП(б)ЛиБ. В него вошли В. С. Мицкевич-Капсукас, А. Ф. Мясников, В. Г. Кнорин и другие.

1 июня ЦК КП(б)ЛиБ обратился к рабочим и крестьянам Литовско-Белорусской ССР с воззванием, в котором говорилось: «От вас, крестьяне, рабочие и батраки, зависит, удержится ли навсегда власть в ваших мозолистых руках, окончательна ли ваша победа, свергнут ли навсегда гнет тунеядцев-помещиков и капиталистов и кровопийц-жандармов»³⁶.

ЦК КП(б)ЛиБ создавал временные партийно-организационные тройки для руководства всей работой на освобожденной территории республики. Тройки занимались перерегистрацией членов партии подпольных организаций, а также коммунистов, прибывших с других районов страны. В. Г. Кнорин принимал непосредственное участие в комплектовании этих троек, направлял их деятельность, формировал аппараты Минского губревкома, губчека, губсовнаркома, уездных и волостных ревкомов, инструктировал их работников.

В одном из писем в адрес партийных троек Дисненского, Игуменского, Борисовского, Бобруйского уездов В. Г. Кнорин настаивал на усилении работы среди крестьянской молодежи. Он обратился в Литовско-Белорусский отдел ЦК РКП(б) с просьбой направлять для работы в освобождаемых районах бухгалтеров, счетоводов, агрономов, машинисток, вел большую переписку с коммунистами, которых знал лично и считал необходимым использовать на партийной и советской работе в Литовско-Белорусской ССР.

24 мая 1920 года ЦК КП(б)ЛиБ принял предложенные В. Г. Кнориным тезисы по аграрному вопросу в Белоруссии. Тезисы предусматривали национализацию до одной трети имеющихся на территории Белоруссии земель нетрудового пользования с организацией на них народных имений по образцу фаб-

рично-заводской промышленности, передачу всех других земель безвозмездно коллективам и крестьянам-единоличникам.

Секретарь ЦК КП(б) ЛиБ В. Г. Кнорин в качестве приложения к тезисам разослал повсеместно инструкцию по руководству передачей земли. Инструкция напоминала, что все земли объявлены общенародной собственностью и должны быть взяты на учет. Временное управление распределением земли возлагалось на ревкомы. Им предписывалось выселять помещиков и управляющих из имений, выяснять потребность крестьян в земле, пригодность имений, отношение крестьян к коллективным запашкам земли и коллективному хозяйству.

Тезисы целиком отвечали чаяниям трудового крестьянства, исправляли допускавшиеся ранее ошибки, выражавшиеся в отказе от передачи крестьянам конфискованных помещичьих земель, в форсированном создании в условиях хозяйственной разрухи коммун, совхозов, артелей, товариществ по совместной обработке земли.

Красная Армия продолжала наступление. Начались бои за Минск. Первыми ворвались в город кавалеристы разведывательного отряда Ц. В. Петрикова. Небольшой отряд в 36 человек своим дерзким налетом посеял панику в рядах захватчиков. Рассеяв врага, отряд мужественно держался до подхода основных сил Красной Армии.

Вслед за наступающими частями Красной Армии в Минск прибыл утвержденный ЦК КП(б) ЛиБ Минский губревком. Он расположился в гостинице «Париж». Пожалуй, никогда не было сюда такого паломничества, как в первые дни освобождения города. В губревком обращались рабочие минских предприятий, крестьяне окрестных деревень, красноармейцы, партийные и советские работники. Кнорина радовали встречи с ними. В них он черпал вдохновение и поддержку.

В день освобождения Минска вышла газета «Звезда». В статье «Новые задачи», обращаясь к трудящимся республики, В. Г. Кнорин писал: «Необходимо сделать так, чтобы Белоруссия была бы примером для граничащих с нею стран запада, к которым

через Белоруссию прокладывается путь к социалистической революции»³⁷.

Как заместитель председателя Минского губернского военно-революционного комитета В. Г. Кнорин принимал неотложные меры по охране правопорядка в городе и губернии, по организации торговли и обновлению работы уцелевших предприятий. Заседания губревкома проходили почти каждый день. Вопросов для срочного разрешения было много. В. Г. Кнорин выступал перед рабочими города, выезжал в уезды, беседовал с крестьянами, подбирал кадры партийных и советских работников, восстанавливал партийные организации.

12 августа Кнорин сообщал члену Реввоенсовета Западного фронта И. С. Уншлихту о начале работ, связанных со снабжением городских лечебных заведений, приютов и раненых красноармейцев. В. Г. Кнорин уведомлял о создании аппарата Совнархоза, оживлении работы городского хозяйства, введении трудовой повинности.

В то же время губревком обратился в Смоленский продовольственный комитет Западного фронта за помощью. Зная, что и там не блестящее положение, губревком просил прислать хотя бы 20 вагонов хлеба, возможное количество сельдей, сахара, крупы. Одновременно были приняты неотложные меры по уборке урожая.

Губревком прилагал героические усилия по налаживанию нормальной жизни трудящихся городов и деревень губернии.

В циркулярном письме, адресованном уездным комитетом партии, В. Г. Кнорин обращал внимание местных парторганизаций на необходимость оказания действенной помощи фронту, созыва беспартийных конференций, на которых надлежало обсудить вопросы помощи фронту, мобилизации, продовольственного снабжения.

В связи с реставрацией в Литве буржуазно-помещичьего строя название Литовско-Белорусской ССР перестало соответствовать действительному положению дел. Встал вопрос о восстановлении белорусской советской государственности.

А. Г. Червяков, В. Г. Кнорин, И. А. Адамович

развернули большую работу по созыву съезда Советов и воссозданию Белорусской ССР. 30 июля 1920 года на заседании губревкома с сообщением о ходе подготовительной работы выступил В. Г. Кнорин. Он отметил, что аппарат губревкома руководил как советскими, так и партийными учреждениями, направлял всю жизнь губернии. В частности, он отметил, что по Минскому уезду за последнее время были созданы 2 воинские и 5 волостных коммунистических ячеек, открыто 2 клуба, в которых регулярно читаются лекции и преподается гражданская грамота. Минская организация в то время насчитывала 93 члена и 53 кандидата партии. Образованный 30 июля Минский губернский комитет партии, председателем которого был избран В. Г. Кнорин, направил свою деятельность на объединение усилий партийных организаций по выполнению назревших задач хозяйственного и советского строительства в губернии. Созданный тогда же Военно-революционный комитет Белоруссии занялся решением важнейших задач помощи фронту, борьбы с бандитизмом. Заместителем председателя Военревкома Белоруссии был назначен В. Г. Кнорин.

Вечером 31 июля в городском театре Минска состоялось торжественное заседание. Оно приняло Декларацию о провозглашении независимости Социалистической Республики Белоруссии. Декларация провозглашала воссоздание Белорусской ССР, объявляла об отмене законов и постановлений польских захватчиков, подтверждала социалистические основы общественного и государственного устройства республики, принципы военно-политического союза, заключенного между БССР и РСФСР.

От имени Компартии Литвы и Белоруссии Декларацию подписали В. Г. Кнорин, А. Г. Червяков, И. Т. Смилга.

К середине августа партийно-организационные тройки завершили работу по регистрации и учету коммунистов, многое сделали по налаживанию хозяйственной и культурной жизни на местах. Губком партии предложил уездным организациям созвать конференции для избрания партийных комитетов и на 25 сентября наметил губернскую конференцию,

поручив В. Г. Кнорину подготовить ее повестку дня.

ЦК РКП(б) ЛиБ созвал совещание представителей уездревкомов и уездных партийных организаций, на котором с докладом о международном положении и о задачах партийных организаций выступил В. Г. Кнорин. «До сих пор главное наше внимание было сосредоточено на военной и советской работе, — говорил докладчик. — Жизнь, гражданская война требовали этого. Поэтому мы несколько меньше уделяли внимания партработе. Нынче же настало время, когда этому участку нашей деятельности надо отдать максимум сил. Вот почему я предлагаю поручить одному из состава партийных троек руководство этой работой».

В. Г. Кнорин требовал ускорить завершение работы по регистрации членов партии и подготовке к партконференциям. Предлагал в самое ближайшее время глубоко обсудить вопросы партийно-организационной и политической работы, избрать уездные комитеты партии, которые будут руководить всей работой в городе и уезде.

Большую помощь коммунистам Белоруссии в партийном и советском строительстве в республике оказывал ЦК РКП(б). 24 августа 1920 года В. Г. Кнорин обратился в ЦК РКП(б) с просьбой прислать по возможности больше коммунистов для работы в аппаратах уездных комитетов партии и необходимые инструкции по вопросам партийного и советского строительства. Вскоре в Белоруссию было командировано более 250 человек партийных работников, направленных в партийные, советские и хозяйственные органы, высланы необходимые материалы.

Много внимания уделял губком партии росту партийных организаций, воспитанию коммунистов, особенно молодежи. В. Г. Кнорин в письме уездным комитетам призывал усилить их внимание к воспитанию молодых коммунистов. Большой школой воспитания для них должны были стать регулярно проводимые партийные собрания. В. Г. Кнорин настоятельно рекомендовал организовать для молодых коммунистов чтение цикла лекций по программе, уставу и истории партии, вопросам партийного и советского строительства, политики и тактики партии.

По его предложению каждый коммунист, моложе 23 лет, обязан был состоять членом Коммунистического Союза Молодежи и работать в одной из его организаций.

В. Г. Кнорин обращал внимание на необходимость вовлечения крестьянской молодежи в ряды КСМ. Он часто присутствовал на заседаниях ЦБ комсомола, помогал его членам правильно разобраться в сложных вопросах, нацеливал на решение неотложных задач.

9 сентября в ЦБ комсомола состоялось совещание представителей уездных комсомольских организаций. Выступивший на нем В. Г. Кнорин отметил заметный рост рядов комсомола, призвал ускорить создание комсомольских организаций на селе.

На заседании ЦБ решено было созвать 1 съезд комсомола Белоруссии, который и состоялся 24 сентября. С докладом о международном положении и задачах комсомольских организаций на съезде выступил В. Г. Кнорин. Комсомольцы горячо восприняли его выступление. Многие из делегатов, учитывая серьезность положения, предлагали мобилизовать на фронт 20 процентов членов своих организаций.

Съезд постановил присоединиться к Коммунистическому Интернационалу Молодежи.

В связи с установлением в Литве власти буржуазии, перед Компартией Литвы и Белоруссии вставали разные задачи. ЦК РКП(б) санкционировал раздел КП(б)ЛиБ на две самостоятельные партии — Компартию Белоруссии и Компартию Литвы.

13 сентября 1920 года Оргбюро ЦК РКП(б) для практического руководства партийной работой в Белоруссии постановило образовать Центральное Бюро КП(б)Б. Секретарем его стал В. Г. Кнорин.

Продолжавшееся наступление Красной Армии в направлении Варшавы встревожило империалистов Антанты. Чтобы предотвратить разгром Польши, Антанта увеличила военную помощь правительству Пилсудского.

Польские войска, перегруппировавшиеся и пополнившиеся свежими силами, перешли в наступление.

В. И. Ленин с неослабным вниманием следил за развитием событий на Западном фронте. В телеграм-

ме от 18 августа 1920 года он дал указания Реввоенсовету Западного фронта усилить нажим на интервентов хотя бы на несколько дней. «Сделайте все возможное, — говорилось в телеграмме. — Издайте, если считаете полезным, приказ войскам о том, что удесятерив усилия теперь, они обеспечат России выгодные условия мира на много лет»³⁸.

В. Г. Кнорин, руководствуясь указаниями В. И. Ленина, обратился в уездные комитеты партии с требованием организовать бесперебойное снабжение Красной Армии продовольствием, до предела усилить мобилизационную работу.

Однако сделать что-то существенное для коренного перелома положения на фронте времени было явно мало. Легионеры рвались к Минску. 19 сентября бои начались уже в окрестностях города. Центральное Бюро предпринимало все меры для его обороны. Формировались подразделения, которые под командованием народного комиссара Кипе военным делам И. А. Адамовича выступили навстречу врагу. Однако перевес все еще оставался на его стороне. В эти тревожные дни Кнорин потребовал от уездных комитетов мобилизовать как можно больше коммунистов для нужд фронта, направить их туда по первому требованию ЦБ. В случае действительного отступления Красной Армии местным организациям предлагалось всем личным составом влиться в ряды Красной Армии. В письме Кнорина уездным комитетам говорилось о необходимости усиления мобилизационной работы, повышения революционной бдительности всех коммунистов, оказания помощи особым отделам в борьбе со шпионажем и контрреволюцией.

Председателям и секретарям комитетов партии Центральное Бюро предписывало сообщать по прямому проводу, телеграфу, телефону или курьером обо всех предпринятых мерах.

28 сентября В. Г. Кнорин телеграфировал в Игуменский уездный комитет партии о серьезности положения на фронте и потребовал наивысшего напряжения энергии трудящихся и прежде всего коммунистов, неустанной работы по заготовке продовольствия.

В результате принятых Советским правительством

мер обстановка вскоре изменилась, продвижение противника было приостановлено. Внутреннее положение Польши оказалось весьма тяжелым. В этих условиях польское правительство вынуждено было пойти на заключение мира.

Большие трудности переживала и наша страна. Банды Булак-Балаховича, Савинкова, Желиховского, Стрюка грабили население Белоруссии, убивали советских и партийных работников. На подавление банд были брошены части Красной Армии. Секретарь ЦБ КП(б) В. Г. Кнорин и председатель Военревкома ССРБ А. Г. Червяков 29 октября 1920 года обратились к уездным комитетам партии и ревкомам с письмом, в котором сообщали, что вся Белоруссия находится под давлением террористических актов разного рода банд. «С этим явлением,— говорилось в письме,— необходимо покончить путем самой решительной борьбы, в противном случае невозможна никакая работа по воссозданию политического и хозяйственного положения республики. Немедленно обсудите на ваших совещаниях этот вопрос и выделите ряд надежных и ответственных товарищей, которых надлежит направить в распоряжение начальника уездной милиции, что оздоровит нашу милицию и даст ей возможность успешно повести борьбу с бандами»³⁹.

Подписанное в Риге советской и польской делегациями соглашение о перемирии открывало возможность перехода к мирному созидательному труду. В. Г. Кнорин отмечал в те дни, что пришло время, когда рабочим предоставилась возможность приступить к восстановлению промышленности. Он призывал еще и еще раз обратить внимание на нашу военную промышленность, на постановку политической работы в армии. Это необходимо было делать для того, чтобы мир был крепким, надежным.

В борьбе с разрухой

Экономика Белоруссии понесла за годы гражданской войны огромные потери. Из 715 промышленных предприятий восточных областей республики оста-

лось только 235. До крайности было разорено сельское хозяйство. На 36,5 процента в сравнении с довоенными сократились посевные площади, уменьшился валовой сбор зерна, сократилось количество скота.

Крестьяне, недовольные продразверсткой, попадали под влияние эсеров, буржуазных националистов. В лесах скрывались и терроризировали население банды всех мастей и оттенков.

22 ноября 1920 года в Минске состоялся III съезд Компартии Белоруссии. На съезде с отчетом о работе ЦБ КП(б)Б выступил В. Г. Кнорин. Он отметил, что Компартия Белоруссии сумела убедить трудящихся республики в необходимости напрячь все силы для восстановления народного хозяйства страны и укрепления ее обороноспособности. Говоря о хозяйственной политике партии, докладчик подчеркнул, что она направляется на укрепление союза рабочего класса с трудящимся крестьянством, на упрочение позиций социализма в экономике Белоруссии.

Съезд принял предложенные В. Г. Кнориным тезисы ЦБ КП(б)Б по текущему моменту.

Тезисы давали марксистско-ленинский анализ международной обстановки, указывали на угрозу международного империализма, который не терял надежды на реставрацию помещичье-буржуазного строя в России. В тезисах подчеркивалось, что Белоруссия — это форпост Советской власти на западной границе, значение которого будет все время усиливаться.

В числе важнейших решений съезда были «Тезисы по организационному вопросу», с которыми также выступил В. Г. Кнорин. В основу тезисов были положены решения IX съезда РКП(б). Исходя из общеполитических и социально-экономических задач, стоящих перед страной, в тезисах намечались конкретные задачи КП(б)Б в области партийного строительства.

В докладе В. Г. Кнорин отмечал, что если в условиях войны все внимание, все силы партии были обращены на борьбу с врагами, то в условиях мира коммунисты Белоруссии должны не менее настойчиво трудиться над решением задач хозяйственного строительства, вести производственную пропаганду.

В связи с этим в партийных организациях предлагалось усилить рабочую прослойку, шире вовлекать в ряды партии рабочих от станка и беднейших крестьян.

Съезд призывал строить партийную работу так, чтобы в ней принимал участие каждый коммунист, уделяя самое серьезное внимание воспитанию новых членов, поднятию их сознательности, воспитанию преданности, выдержки, политической зрелости и революционного опыта.

Съезд принял исключительно важное решение о центральных органах власти Белоруссии и их взаимоотношениях с органами власти РСФСР. В резолюции говорилось: «Белоруссия, являясь Социалистической Советской Республикой, одновременно является составной частью РСФСР, и все органы в области общих мероприятий должны быть подчинены соответствующим комиссариятам РСФСР, но иметь определенную свободу в области разрешения вопросов местной жизни, в которых они должны руководствоваться постановлениями ЦИК и Совнаркома Белоруссии».

Съезд подчеркнул неразрывную идейную и организационную связь КП(б)Б и РКП(б), избрал Центральное Бюро Компартии Белоруссии в составе В. Г. Кнорина, И. А. Адамовича, А. Г. Червякова, П. М. Серебрякова, А. С. Славинского и других.

26 ноября на заседании ЦБ КП(б)Б В. Г. Кнорин был избран секретарем Центрального Бюро и заведующим агитационно-пропагандистским отделом, утвержден одним из редакторов «Звезды».

Вскоре после съезда В. Г. Кнорин и председатель Ревкома ССРБ А. Г. Червяков выехали в ЦК РКП(б) для уточнения планов восстановления и развития народного хозяйства республики. ЦК РКП(б) внимательно отнесся к нуждам белорусского народа.

Президиум ВСНХ выделил для Белоруссии 1 миллиард рублей и необходимые материалы. В качестве бескорыстной помощи из РСФСР в Белоруссию прибыло 4 вагона ржи, 19 вагонов соли и других продовольственных товаров.

Призывая рабочих и крестьян республики к быстрейшему восстановлению народного хозяйства,

В. Г. Кнорин писал, что трудящиеся массы, которые до сих пор говорили больше всего о Врангеле и поляках, должны серьезно подумать о хозяйственном становлении страны, о способах поднятия техники и производства.

Понимая, что восстановление заводов и фабрик, подъем сельского хозяйства является решающим фактором усиления могущества всей Советской страны, В. Г. Кнорин, не жалея усилий, преодолевал в настроениях отдельных коммунистов неуверенность в быстрые успехи восстановления, горячо убеждал, доказывал, призывал к самоотверженной работе на порученном участке.

В связи с воссозданием Белорусской Советской Социалистической Республики необходимо было решить вопрос об организации центральных органов власти, укреплении местных Советов, определении взаимоотношений между центральными учреждениями и местными органами власти. Следовало внести изменения и дополнения в Конституцию БССР.

В конце ноября — начале декабря 1920 года во всех уездах Белоруссии состоялись выборы в местные Советы. Они показали, что партия большевиков пользуется поддержкой и доверием масс. С избранием Советов Ревкомы повсеместно прекращали свою деятельность.

С полным текстом документа можно ознакомиться в библиотеке